

Сергей Евгеньевич Алтынов

Десантура разминается

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174712
Десантура разминается: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-25101-8*

Аннотация

Ряд громких убийств, взрывы, похищение сына генерала ФСБ... Похоже, в Москве действует глубоко законспирированная группа карателей, которая вершит суд и расправу по законам «справедливости». Ведь их акции направлены против тех, кто замазан в коррупции, сбыте наркотиков, терроризме... И эти люди, несомненно, профессионалы: действуют четко, не оставляя следов. Разведчику-диверсанту, полковнику ВДВ Николаю Водорезову поручено выяснить, кто режиссер этого кровавого спектакля и кто в нем участвует. Знал бы он, что станет одним из главных персонажей этой зловещей игры...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
1	10
2	13
3	16
4	20
5	24
6	29
7	33
8	37
9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Алтынов

Десантура разминается

Все события и персонажи этого романа вымышленные. Любое совпадение – чистая случайность. С мыслями и высказываниями персонажей романа автор может иметь несогласие.

Некоторые считают, что нельзя убивать людей во время свадьбы, другие думают, что нельзя убивать во время похорон. Чудаки – кладбище на то и придумано, чтобы там мертвые были.

Виктор Суворов, «Аквариум»

Служил, как пес. И убили, как пса.
Станислав Ежи Лец

Пролог

Мангуст – маленький и очень отважный зверь. Увидев кобру даже издали, он приходит в особое охотничье возбуждение. Мангуст всегда первым нападает на кобру, никогда не избегает схваток, даже если бывает сыт, и почти всегда побеждает. Мангусту отлично известны все повадки кобр, он использует особую тактику – отпрыгнет, а потом опять атакует, пользуясь характерной змеиной медлительностью...

Ни один более крупный и сильный зверь (волк, медведь, лось, тигр) никогда первым не нападет на змею.

Любой нормальный человек всегда находится на стороне мангуста, несмотря на то, что тот первым атакует змею. Хотя, казалось бы, чего такого – спрячься за дерево, за камень. Пусть гадина преспокойно ползет себе по своим гадючим делам...

«Мангуст всегда первым бросается на змею, – вспомнил сейчас Петр Ручьев фразу из некогда любимой передачи „В мире животных“ неслучайно. – У мангуста просто-таки инстинкт на уничтожение ползучих гадюк. Вот и у нас, получается, такой же инстинкт». В отличие от лежащего около него Вагина Петр частенько задумывался на разные подобные темы. Сейчас в его памяти всплыла давняя картина, точно фотография из армейского альбома: сам Петр, их командир, остальные ребята... Все живые, полные сил. Контрактник Юра, рядом – невысокий, выглядевший моложе своих лет подполковник Коля Водорезов из другого подразделения, тоже один из лучших в разведке ВДВ. Совсем недавно это было. Вот так же, как сейчас, только без малого десять лет назад, Петр лежал рядом со старшим группы Водорезовым, разглядывая в оптику ветхое одноэтажное строение. Именно там скрывался печально знаменитый Гинеколог, он же Черный Салих, – один из наиболее влиятельных полевых командиров.

– Навести бы авиацию – и ВСЕ, отбегался Гинеколог, – произнес тогда Водорезов.

В самом деле, силы были неравны. Вместе с Черным Салихом в ветхой постройке, служившей боевикам оружейным складом, находилось еще восемь его телохранителей, отборных, натасканных головорезов. У Водорезова же и Ручьева всего четверо разведчиков.

– Авиацию нельзя, – категорически возразил Петр, – в доме наш человек.

Водорезов чертыхнулся, отложил рацию в сторону. Другой, как старший по званию, наплевал бы на все, дал бы координаты штурмовикам, а далее – по принципу «победителей

не судят». Тем более Водорезов в отличие от Петра не знал, кто из телохранителей Гинеколога человек из разведки ВДВ...

Немного подумав, Водорезов соединился с командующим силами ВДВ, а переговорив с ним, заметно приободрился. После чего сообщил Петру:

– Командующий стягивает в нашем квадрате кольцо. Наше дело – следить за этой избушкой и докладывать ему обо всем происходящем.

Петр, как и Водорезов, также воспрянул духом. Из кольца, которое образуют десантники, выбраться практически невозможно. Захватчик роддомов и в самом деле отбегался...

А что было потом?

Кольцо десантники затянули действительно на совесть. В небе кружили вертолетчики, психологически воздействуя на засевших в своем логове боевиков. На дороге появилась целая процессия – армейские, гражданские машины, какие-то важные господа, обычно предпочитающие держаться подальше от подобных спецопераций. В это время Водорезов получил приказ командующего не препятствовать проходу за «кольцо» двум «важным господам». Один из них был в штатском, другой – в камуфляжной форме без знаков различия. В этом втором Петр и Водорезов узнали некоего Фокина из ФСБ. Напыщенный такой мужичонка с вечно брезгливым выражением небритой физиономии. Оба прошли за «кольцо». А спустя двадцать минут десантники получили приказ разомкнуть «кольцо» и отходить на базу.

Вечером того же дня Водорезов и Петр были свидетелями беседы командующего с теми «важными господами». Майором Фокиным из ФСБ и неким столичным предпринимателем Тучковым, который на территории Чечни проводил некую очередную «миссию доброй воли».

– Как командующий силами ВДВ, я с вашей позицией не согласен. Неужели вас не интересует наше мнение и наша оценка ситуации? – Генерал-майор никак не мог смириться с тем, что Черный Салих, он же Гинеколог, в очередной раз был отпущен на волю.

– Ты, генерал, можешь считать все, что тебе вздумается, – высокомерно отозвался Тучков. – Твоя задача – молчать, слушать и выполнять то, что говорю я. Понял?

– Перемирие объявлено пять часов назад, – напомнил фээсбэшник Фокин, – вы не вправе его нарушать ни при каких обстоятельствах.

Опять перемирие! Водорезов с Петром лишь переглянулись, с трудом сдерживая эмоции. Ну хоть бы на пару-тройку часов позже объявили!

– Повторяю, лично я с вашей позицией не согласен, – точно заведенный, отстраненным голосом повторял командующий.

Вот тебе и генерал-орденоносец! Дисциплинированный и вежливый, аж до тошноты. Однако имеет, видите ли, некоторое несогласие с позицией господина Тучкова.

– Я тебя, генерал, вместе с твоими людьми, со всей вашей полудохлой группировкой сейчас куплю и перепродам! Понял, чего стоит твое мнение?! – Тучков в отличие от генерала не был столь же корректным. – Я уполномочен вести переговоры с чеченской стороной, и мне была обещана первая партия пленных российских военнослужащих. Тех, которых ты, генерал, прошляпил.

На этом разговор был закончен. Водорезову и Петру все было предельно ясно. Кто-то очень осведомленный и шустрый подсутился обменять жизнь одного Черного Салиха на жизни пары десятков военнопленных. А этого пузатого Тучкова выбрали посредником. Политики, как всегда, оказались главнее военных...

Что ж, приказы не обсуждаются.

Тучков разместился в отдельном комфортабельном кунге, таковой не у всякого генерала имелся. А вот с его охраной у десантников вышел конфликт. Из-за чего он возник, никто объяснить не мог, но гвардейцы поговорили с бодигардами жестко, по-мужски. Разоружили

и опрокинули физиономиями в кювет. Как всегда, вовремя вмешалась ФСБ в лице майора Фокина, конфликт был погашен. А утром следующего дня в палатку к Водорезову заглянул Петр в компании с бородатым, среднего роста мужчиной, одетым в обтягивающую камуфляжную майку с короткими рукавами. Не сказать, что габариты этого бородача сильно впечатляли, разве что его мышцы были на редкость рельефными. Он был словно уменьшенная копия Шварценеггера. Спрашивать, кто такой этот незнакомый бородач, Водорезов не стал. И так было понятно, что он и есть тот самый «наш человек», внедрившийся в среду телохранителей.

– Николай, – произнес Петр. – Гинеколог почти в наших руках!

– Что значит «почти в наших руках»? – Водорезов вопросительно взглянул на подчиненного.

– Всего в пятнадцати километрах отсюда! – продолжил Петр. – Берем гранатомет «Шмель», всего один выстрел в окно – и с Гинекологом покончено!

– Без приказа не имеем права, – ответил Водорезов. – Сегодня вечером должны быть освобождены еще пятнадцать наших пленных. Если Салих будет убит, обмен сорвется. Отдают приказ, пойдем валить Гинеколога.

– Как знаешь, – только и сказал Петр. – Только завтра уже Гинеколог окажется на курорте одного из западных государств. Здоровье поправлять будет...

Николай был непреклонен. В чем-то Петр был на его стороне, но сейчас окончательно стало ясно: Водорезов – НЕ ИХ ЧЕЛОВЕК.

Гинеколог ушел тогда.

Того мускулистого бородача Водорезов больше никогда не видел.

Через несколько лет спецподразделение ФСБ уничтожило Черного Салиха, майор Фокин получил награду за участие в операции. Поговаривали, что Гинеколога пристрелили свои же, только перекупленные кем-то очень богатым.

С тех пор многих уже нет в живых, с кем-то не нашли общего языка и расстались, а с кем и вовсе оказались «по разные стороны»... Теперь в их боевой группе осталось четверо, включая Петра и самого командира. И все они в некоторой степени мангусты.

– Время бомбардировки Хиросимы, – кивнув на часы, полушепотом произнес Вагин.

В самом деле – стрелки неумолимо приблизились к роковой цифре без пятнадцати девять. Именно в это время на японский город была сброшена первая атомная бомба.

– Сейчас появятся, – так же полушепотом отозвался Шварц-младший.

При этих словах снайпер Крафт точно окаменел, тщательно сосредоточившись на целях в оптику своей биатлонной винтовки.

– Все, работаем! – подал команду Шварц-младший. – Крафт – умер!

Последняя команда означала, что снайпер держит появившиеся цели на мушке, но ни в коем случае не поражает их без специальной команды Шварца-младшего. Между тем целей было две. Две стройные девичьи фигурки направлялись к обитому сайдингом домику с единственным окошком-сердечком наверху.

Вагин и Петр – второй человек в команде после Шварца-младшего – сработали четко. За спинами девушек неслышно выросли их мощные фигуры. Девчата не успели ничего заметить, как получили по отключившему каждую удару. После чего были любезно подхвачены Вагиным и Петром, которые тут же скрылись с ношей в близлежащем кустарнике.

– Крафт – умер! – повторил Шварц-младший, напомнив молодому снайперу о его роли в акции.

В пару прыжков Шварц-младший очутился рядом с Вагиным и Ручьевым, которые, уложив девушек «отдыхать», уже выдвинулись на тропу, ведущую от туалета к двухэтажному, выложенному тесом строению с дымившей трубой.

– Ничего банька, – оценил Вагин. – Только почему сортир на улице?

– Канализацию не успели подвести, сложности какие-то, – чуть слышно, с заметной усмешкой пояснил Шварц-младший. – А ждать наш клиент не привык.

Владелец бани получил участок совсем недавно и единственное, что успел на нем воздвигнуть, – это самую баню (в которой расслаблялся по выходным) и туалет. Сегодня как раз и был выходной день. Господа хорошие начали гулять еще с одиннадцати вечера, и несмотря на то, что сейчас уже было утро, гульба была в самом разгаре. Впрочем, как и в другие такие же выходные.

Тем временем Петр достал похожий на штабную планшетку плоский предмет, к которому были подсоединены три провода – один длинный, с утолщением странной формы на конце, два других – с компактными, точно у плеера, наушниками. Шварц-младший и Петр тут же надели наушники, а провод с утолщением заместитель командира направил в сторону единственного имеющегося в бане окна.

Прибор с наушниками в руках у Петра был не что иное, как специальный сканер, позволяющий снимать колебания с оконных стекол, которые происходят при человеческой речи, и таким образом слушать разговор, не устанавливая в помещении микрофонов.

Вагин устроил поудобнее пистолет-пулемет на плече, терпеливо ожидая команды. И в который раз отметил, как четко командир все продумал. Коттеджный поселок охраняется со всех сторон ЧОПом¹ и купленными по договору ментами-автоматчиками. Неподалеку – лесок плюс недостроенный замок сбежавшего за границу соседа-коррупционера. Весьма удобные позиции для снайперов, а рисковать владелец бани не любил. Безопаснее провести внутреннее освещение и кондиционер. Не охраняется лишь огромное озеро, отделяющее коттеджный поселок от остального мира. Для этого понадобились бы боевые пловцы, но на них владельцы четырехэтажных коттеджей-крепостей поскупились. Таким образом, на объект команда вошла с озера, дабы аквалангами пользоваться умели все, включая молодого Крафта. В наушниках тем временем послышалось:

– Смеемся, веселимся... Как перед войной, – Шварц-младший разобрал голос владельца бани.

– Типун вам на язык, – ответил молодой, почти мальчишеский голос.

После этих слов послышались приглушенные пиканьем матерные перлы ведущих «Комеди клаба». Сидевшие в бане наслаждались ими, просматривая DVD-диск. Молодой засмеялся, услышав что-то насчет «пердолить», его поддержали остальные, но куда более сдержанно.

– Изгиб гитары желтой обнимешь ты душевно, – под аккомпанемент расстроенной гитары донеслось до Шварца-младшего и Петра.

У Шварца-младшего, имевшего хороший музыкальный слух и на дух не переносившего бардовской самодеятельности, дернулась правая сторона лица. Петр лишь усмехнулся.

– Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! – нестройно затянули хором в наушниках.

Громче всех, но при этом совершенно не попадая в мотив, пробивался голос с заметным чеченским акцентом. Петр и Шварц-младший переглянулись, командир удовлетворенно кивнул.

– Как ох...ительно, что все мы здесь сегодня собрались! – уж совсем не в строй и не в такт закончилась песня.

¹ ЧОП – частное охранное предприятие.

– За мою скорую спецкомандировку! – послышался голос молодого. – И чтобы я вернулся героем.

Далее послышался звон посуды.

– Что-то девчонки не идут! – подал голос хозяин бани.

Шварц-младший подал Вагину знак «минутная готовность».

– Да они всегда долго, – послышался еще один голос.

– Выпить мы можем и без них! – уверенно произнес молодой.

Через некоторое время снова послышался звон посуды.

– А теперь с ними! – властно потребовал чеченец. – Без блядей саммит уже не саммит.

«Надо же, – раздраженно усмехнулся про себя Шварц-младший. – Встреча на высшем уровне, блядский саммит!»

– Сходи, посмотри, где девчонки! – распорядился хозяин бани.

После этих слов Шварц-младший и Петр мгновенно сорвали наушники и вместе с Вагиным, взяв на изготовку оружие, устремились к стальной двери. Не прошло и минуты, как дверь приоткрылась.

– Эй, девчонки! – раздался голос охранника. – Вы где?

Не получив ответа, охранник вышел на порог, сжимая при этом в правой руке пистолет «иж». Вагин перехватил его руку с оружием, одним рывком вытащил рослого парня из двери. Петр рубанул охранника ребром ладони под ухо, и тот, не пикнув, потерял сознание. Тем временем Шварц-младший был уже в помещении. Хлопок-выстрел из бесшумного пистолета наповал уложил второго охранника. Вагин и Ручьев догнали командира, и когда тот распахнул вторую дверь в комнату отдыха с телевизором, работали уже втроем. Вагин бил из пистолета-пулемета, Петр из такого же, как и у командира, бесшумного спецназовского пистолета. Сделав всего один выстрел, Шварц-младший перепрыгнул через заставленный бутылками и закусками стол, ударил полугололого юнца рукояткой в лоб...

– Как здорово, что все вы здесь сегодня собрались. По-моему, саммит удался! – произнес Шварц-младший, оглядывая окровавленные полуголые тела.

– Встать, тварь! – скомандовал Вагин лежащему на полу молодому парню, единственному, кого не наштапиговали свинцом.

Тот вскочил на редкость быстро и ошарашенным, полным ужаса взглядом обвел новоприбывших.

– Вопросов не задавать! – приказал Ручьев. – А штаны одеть! Убивать не будем, не трясись!

Последнюю команду пацан выполнить не смог, а вот две первые исполнил весьма поспешно. Вагин тем временем сгреб диски с концертами «Комеди клаба», сунул за пазуху.

– Мародерка! – с напускной укоризной погрозил указательным пальцем Шварц-младший.

– Посмотрим на досуге, посмеемся, – повел тяжелыми плечами Вагин.

– Ключи от твоей машины! – скомандовал Петр ошарашенному юнцу.

Тот трясущейся рукой поспешно протянул ключи.

Уже выйдя из бани, Вагин спросил командира:

– Девочек тоже?

– Пусть лежат как лежат. Часа через два их обнаружат, развяжут, напоят коньяком, – невесело дернул углом рта Шварц-младший.

– Как скажете, – с заметным разочарованием отозвался Вагин.

«Не любишь ты женщин, Вагин, – оглядывая мощную фигуру подчиненного, в который раз подумал командир. – С одной стороны, это плохо, но с другой... Не без оснований ты, Вагин, их не любишь...»

– Садись за руль! – скомандовал Петр пацану, как только тот отпер дверцу своего серебристого джипа с тонированными стеклами.

– Жить ты, парень, будешь, – сообщил Шварц-младший. – Но если на выезде отсюда хоть пикнешь или рукой дернешь... Ну, понял меня?

Пацан поспешно закивал головой. А Петр и Вагин в очередной раз убедились, как грамотно командир спланировал акцию. Кто из охранников коттеджного поселка заподозрит знакомый, приметный джип, покидающий этот поселок? Стекла непроницаемые, кто там сидит – не видно. Да и не любит здешняя стража лишний раз совать нос, куда не нужно.

Шварц-младший подошел к кустарнику, совсем не по-командирски, негромко, но внятно произнес:

– Крафт – отомри! Ашкурак талиб!

Последней фразой он в очередной раз намекал, что Крафту стоит тренироваться не только в снайперском искусстве и рукопашной науке, но и в постижении арабского языка. Командир бывал скуп на похвалу, зато не упускал случая напомнить своим бойцам об их личных недочетах.

Часть первая

По следу зондеркоманды

1

Выбравшись из машины, полковник ФСБ Игорь Алексеевич Казаков в который раз мысленно выругался. Мало того, что подняться пришлось чуть ли не среди ночи, так еще его ждали сразу несколько «приятных сюрпризов». Сюрпризом первым было групповое убийство в коттеджном поселке, которого никак не должно было быть. Сюрприз второй – убитый владелец коттеджа был давним приятелем Казакова и в некоторой степени деловым партнером. Сюрприз третий – ни свидетелей, ни каких-либо следов и зацепок обнаружить не удалось (это Казакову сообщили по телефону, пока он ехал к месту преступления). Таким образом, имея надежную агентуру и будучи хорошим оперативником, он не знал, кто мог решиться на столь серьезную акцию. Четвертый сюрприз – это то, что среди убитых – непосредственный подчиненный полковника, причем с документами и оружием, которое неизвестные ликвидаторы по счастью не забрали. Наконец, последний сюрприз. За расследование взялись столь несимпатичные полковнику Казакову персоны, как майор МУРа Гриша Мартынов и этот замшелый «важняк» из Генеральной прокуратуры.

Знали бы они, что полковник ФСБ Казаков также был приглашен для милого времяпровождения в ту самую злосчастную баню. И если бы не пустяковое, но неотложное служебное дело, то сейчас эксперты и пожилой следователь колдовали бы над его, Игоря Алексеевича Казакова, изувеченным пулями телом.

– Среди убитых – сотрудник вашего отдела майор Фокин, – сообщил Казакову следователь Генпрокуратуры сразу же после дежурного приветствия. – И еще... – «важняк» кивнул в сторону одного из трупов, над которым работала девушка из криминалистической лаборатории, – бывший полевой командир из бригады Черного Салиха, Гинеколога. Только он сейчас без бороды, но, как видите, при усах. Между прочим, разыскивался по делу о взрывах жилых домов в Москве. Помните ведь, Игорь Алексеевич?

Казаков лишь нервно махнул рукой, осматривая изрешеченные тела.

– Что скажет контрразведка? – почти насмешливо спросил майор из отдела резонансных преступлений МУРа Гриша Мартынов, высокий, худощавый, вечно затянутый в черную кожу до самого подбородка, точно рокер-мотоциклист.

– Херовые дела, – ответил Казаков.

– Как в такой компании оказался ваш коллега? – продолжил тем же тоном Григорий.

– Не задавайте идиотских вопросов, – отозвался полковник, давая понять следователю, что такой тон ему сейчас не по душе. – Про оперативное внедрение, надеюсь, слышали? – понизив голос, спросил он «важняка», демонстративно отвернувшись при этом от Гриши.

– Слышал, Игорь Алексеевич, слышал, – кивнул пожилой следователь.

– Тогда должны понимать, что я не обязан... Просто-таки не имею права кое о чем информировать вас, – стараясь не переходить на повышенные тона, пояснил Казаков. – А где... – начал было он, но тут же осекся.

– Вы имеете в виду Максима Рыбакова? – тут же переспросил следователь. – Он исчез. Вместе со своей машиной. Согласитесь, это наводит на целый ряд размышлений.

– Его папенька будет здесь с минуты на минуту, – на сей раз не слишком весело усмехнулся Гриша Мартынов.

Юрий Генрихович Рыбаков, ныне независимый депутат Госдумы и советник по вопросам безопасности и борьбы с наркобизнесом какого-то международного форума, совсем недавно носил погоны генерал-майора и был непосредственным начальником Игоря Казакова. Сын же его, Максим Рыбаков, совсем еще мальчишка, тем не менее служил в центральном аппарате МВД, в недавно созданном департаменте по борьбе с оргпреступностью и терроризмом. Было, как говорится, от чего тяжело вздохнуть. Невесело, как все невесело сложилось! А насчет оперативного внедрения он, Казаков, сморозил явную глупость. Получалось, что майор ФСБ Фокин внедрялся к террористам с собственным служебным удостоверением и табельным оружием. Не хватало только еще фуражку надеть и китель с фээсбэшным шевроном.

– Вскрытие показало, что пациент спал, – вдруг ни с того ни с сего пошутил фээсбэшник.

Этим Казаков хотел хоть немного разрядить атмосферу. Однако на его шутку никто даже не усмехнулся.

– Ну что, Григорий, давай начистоту, – Казаков повернулся к майору Мартынову. – Вы подозреваете, что сын генерала Рыбакова отправил хозяина и его гостей на тот свет, а сам преспокойно уехал на собственном «Лендкрузере».

– Это одна из версий, – пожал худыми плечами долговязый Гриша. – Можно предположить, что Максима Рыбакова похитили.

– И кто же? – передернул левой частью лица Казаков, так как сам только что подумал именно об этом.

– Игорь, ты ведь сам не любишь идиотских вопросов, – вернул Гриша Казакову его же фразу. – У твоих подчиненных какие-то бизнес-дела с террористами. Что-то ты наверняка знаешь. С нами, разумеется, не поделишься...

– Хватит, Гриша, – махнул рукой Казаков, – свои намеки и догадки держи при себе... Как ты только до майора дослужился, понять не могу?

Казаков наступил-таки Григорию на больную мозоль. По возрасту Гриша был старше Казакова лет на пять-шесть. В милиции начинал работать еще в советские времена. Из-за худобы и отсутствия лысины выглядел моложаво. Должность выше старшего опера ему никак не светила.

– Что говорят эксперты насчет оружия? – спросил Казаков у следователя.

– Оружие брошено на месте преступления, – ответил «важняк», – точнее сказать, не брошено... Оно выложено в определенном порядке. Гляньте-ка!

«Важняк» сделал приглашающий жест в банную комнату отдыха. Войдя туда, Казаков увидел четыре пистолета, выложенных в форме свастики. Игорь нервно сглотнул. Такую «свастику» из пистолетных рукояток он видел уже не в первый раз. Впрочем, как и «важняк» с Гришей.

– Зондеркоманда²? – довольно по-дурацки переспросил Казаков.

– Их почерк! – кивнул пожилой «важняк». – Странно, более трех лет о них не было ничего слышно. И нельзя сказать, что кто-то под них работает. Уж больно профессионально все выполнено.

– Собака след взять не пыталась?

– Пыталась, но начала чихать и чуть не потеряла сознание. Следы обработаны каким-то неизвестным веществом, действующим исключительно на собак.

«Поздравляю, Игорь, – мысленно сказал самому себе Казаков. – На тебя охотятся крутые профи из карательного отряда. Ты ведь только чудом избежал гибели!»

– Между прочим, не всех перестреляли, – сообщил Гриша.

² Так именовали карательные отряды гитлеровцев в период Великой Отечественной войны.

– Не всех?! – восторженно воскликнул Казаков.
– Двоих девочек слегка оглушили. Они сейчас в больнице. Но свидетели из них никакие.

– Проститутки? – уточнил Казаков, вновь не совладав с мышцами лица.
– Никак нет, – покачал головой Григорий, – так, просто веселые девчата.
– Денег, что ли, не берут?

– Замуж хотят, – внес свое уточнение «важняк», – из приличных семей, между прочим.

Выйдя из бани на свежий воздух, Казаков чуть не споткнулся о крупное тело, накрытое простыней. Чуть поодаль лежало еще одно, не менее массивное тело. Эксперты уже закончили работать с ними и теперь курили чуть поодаль.

– Девочек пожалели, а охранников нет?! – кивнув на тела, произнес Казаков.

– Оба ранее привлекались, – проговорил в ответ Гриша. – Один за рукоприкладство, другой за... изнасилование.

«Ничего себе репутация, – мысленно усмехнулся Казаков. – И таких брать в „личку“³? Впрочем, сейчас мало кто в чем-то не замаран...»

Между тем за спиной Игоря послышался нервный голос его недавнего начальника, отставного генерала Рыбакова. Казакову ничего иного не оставалось, как обернуться и предстать пред ясными очами Юрия Генриховича.

– Ну что, развел анархию?! – напустился на действующего полковника отставной генерал. – Людей у тебя под носом валят! Где Максим и что здесь произошло?

– Владелец коттеджа убит, его гости тоже...

– Это я знаю, – отмахнулся, точно от комара, Юрий Генрихович. – Где мой сын?

– Объявлен в розыск, – только и смог ответить Игорь.

– Ты хочешь сказать... что это он их всех уложил?! – повысил голос Рыбаков еще на полтона. – Зачем?! И куда Максим, по-твоему, делся?! Ты... ты с ума сошел!

– Я найду его. Найду Максима, – твердо произнес Казаков. – Обещаю вам, Юрий Генрихович.

Полковник хотел было добавить «живого или мертвого», но вовремя сообразил, что этой фразой он еще больше взбудоражит бывшего начальника.

– Тут такое дело, Юрий Генрихович, – понизив голос и отведя генерала в сторону, проговорил Казаков, – судя по всему, вновь дала о себе знать ЗОНДЕРКОМАНДА!

Рыбаков на некоторое время потерял дар речи. А потом спросил изменившимся тихим голосом:

– Ты уверен?

– Увы, Юрий Генрихович.

³ «Личка» – личная охрана.

2

– Итак – убит мой шеф. Уважаемый господин Тучков. Президент Международного антинаркотического молодежного союза Общественной благотворительной организации. Погибли его гости, весьма достойные и уважаемые люди, наши дорогие партнеры. Без вести пропал Максим Юрьевич, сын нашего уважаемого консультанта, господина Рыбакова... Казаков, а для чего вообще мы тебя держим?! Деньги платим? Продвижению по службе способствуем? Зачем нам нужен генерал-мудак?

Ответить на сей вопрос Казакову было нечего. Сейчас он чувствовал себя подсудимым перед судом самой высшей инстанции. А судьями были вице-президент антинаркотического молодежного союза (АМС) Иван Эмильевич Ширман, консультант АМС по вопросам безопасности Рыбаков и еще пара-тройка мордастых золотозубых ребятишек с дорогими перстнями. Разговор происходил в главном офисе АМС. Ох, как хотелось Казакову заехать в глумливую толстую харю Вани Ширмана!

– Не надо, Иван Эмильевич, – вместо этого точно проблеял Казаков. – Вы ведь знаете, я уже многое сделал. Всю агентуру на уши поставил, ментов вздрючил...

– Это ты, без пяти минут генерал-мудак, будешь своему лубянскому начальству лапшичку-то на уши вешать, – недобро улыбнулся фарфоровыми зубами Ширман. – Значит, так, выкладывай все, что ты знаешь об этой зондеркоманде! И встань, когда с начальством разговариваешь. Обязанности президента АМС ныне исполняю я. Думаю, на следующей неделе меня утвердят в этой должности официально. Так что, Игорек, ясненько, коротенько и по существу!

– Зондеркоманда не миф, как писали несколько лет назад некоторые наши СМИ, – начал Казаков, с трудом заставив себя подняться. – Впервые появилась десять лет назад. Тогда был убит предприниматель из Средней Азии, под прикрытием своей фирмы занимавшийся торговлей наркотиками. От других убийств та «заказуха» отличалась филигранным, слаженным профессионализмом. Убитый охранялся бывшими бойцами спецназа плюс всякая техника. И тем не менее был убит в своей загородной резиденции. Следствие развело руками – никаких следов. Кроме свастики, выложенной из пистолетных рукояток, – Казаков кивнул на фотографию, которую мял в своих пальцах Ширман. – Поэтому следственные работники, а затем и журналисты, придумали это определение – ЗОНДЕРКОМАНДА. В течение десяти лет было совершено около пятнадцати подобных убийств. Все убитые либо видные бизнесмены, связанные с криминалом, либо бандитские авторитеты, имеющие долю в наркобизнесе, либо коррумпированные сотрудники органов, крышавшие наркобизнес.

При последних словах Иван Эмильевич весьма саркастически улыбнулся и переглянулся с Рыбаковым, который сделал вид, что последняя фраза его не коснулась.

– У всех убитых была профессиональная охрана, экспертиза не находила никаких следов, и везде была выложена свастика из отработанного оружия, – продолжил Казаков. – Последние три года об этих «карателях» не было ни слуху ни духу. И вот... Сами знаете!

– Не за горами четвертое число, – изменившимся, серьезным тоном проговорил Ширман. – Начало операции «Амнистия». Наш покойный шеф, как и его гости, включая Максима Рыбакова, были в ней задействованы. Что теперь делать? – поочередно оглядев Юрия Генриховича и Казакова, поинтересовался и. о. президента.

– Отменять нельзя, – собравшись с духом, жестко произнес отставной генерал.

– Согласен с тобой, дядя Юра, – вновь перейдя на полудурашливый тон, кивнул Ширман. – Мы упустим большие деньги и самое главное – потеряем бизнес-позиции.

«Тварь, – мысленно клял новоиспеченного шефа Казаков. – И ведь все верно! Чтобы антинаркотический союз успешно функционировал, нужны те, против кого он направлен.

То есть наркоманы, которых нужно реабилитировать, распропагандировать и прочее-прочее. Без них „анти...“ никак не получится. Это уже законы бизнеса...»

– Я устал! – вновь изменившимся, уже твердым, почти рычащим голосом заявил Иван Эмильевич. – Полковник, каждые два часа жду вашего доклада о проделанной работе! Все остальные свободны! – Ширман связался по внутренней связи с секретаршей: – Ирочка! Чашку кофе, пирожок и Шпазму!

Спускаясь по лестнице, Игорь столкнулся с созданием, которое Иван Эмильевич именвал Шпазмой. В каком-то советском детективе был такой отрицательный персонаж. Ширман же так прозвал собственного личного шута. Жил при офисе такой толстый длинноно- сый человечешко, неопределенного пола и возраста. Носил на голове колпак с бубенцами, то и дело мелко тряс головой, как будто страдал болезнью Паркинсона (а может, и в самом деле страдал?). Бубенчики при этом звенели, а Иван хохотал и, точно маленький мальчик на новогодней елке, хлопал в ладоши. Обычно Ширман использовал Шпазму для собственной потехи, но однажды пригласил на «представление» своих деловых партнеров, в их числе и Казакова. Иван заставлял Шпазму читать матерные стишки, после чего показывал, как носороги справляют малую и большую нужду, а потом напиваются до блевотины. Смотреть на все это было очень невесело, так как шут (или шутиха) был уже немолод. Всем, кроме Ивана Эмильевича, который и в тот раз хлопал в ладоши и искренне заразительно хохотал.

Шпазма даже не взглянул на Игоря, лишь поправил колпак с бубенчиками и мелкой трусцой заспешил развлекать своего повелителя. Так заспешил, что обогнал длинноногую секретаршу Ирочку, которая следовала с подносом в том же направлении.

«Они меня держат?! – зло размышлял Игорь по дороге в больницу. – Уроды, урки недо- стрелянные-недорезанные! Ничего, придет мое время, с каждого спрошу...» Сейчас Казаков спешил первым, еще до Гриши и «важняка», допросить проходящих в себя девиц.

Вот уже много лет Игорь Алексеевич Казаков работал на структуры, которые по ста- ринке иногда именуют мафиозными. В свободное от этой работы время Казаков испол- нял обязанности старшего оперуполномоченного департамента по борьбе с терроризмом. И этого свободного времени было у тридцатичетырехлетнего полковника не так уж много. Возможно, поэтому столь дерзко вела себя таинственная, не оставляющая следов зондерко- манда. И найти ее нужно во что бы то ни стало. К юбилею, тридцати пяти годам, Казаков грезил генеральскими погонами.

– Ты тоже ничего не знаешь и не помнишь? – с тяжелым вздохом спросил Казаков у второй возможной свидетельницы, присев у больничной кровати.

Беседа с первой не дала никаких результатов. Девушка помнила лишь тяжелый оглуша- ющий удар.

– А вы кто? – сонно и в то же время не без презренья спросила вместо ответа девушка.

– Я из ФСБ, – Казаков развернул удостоверение, – ну так что?

Несколько минут девушка силилась что-то вспомнить.

– Хиросима, – неуверенно произнесла она наконец.

– Что?! – не понял Игорь.

– Хиросима, – повторила девушка, – слово это помню... Его сказал один из... ну тех, кто напал на нас. И еще помню потом... Чей-то голос и иностранные слова. Ашаукрак талиб. Да, точно.

«А словечки-то арабские! – отметил Казаков. – Если девушка ничего не путает».

– Ты только слышала или видела того, кто говорил?

– Нет, кто говорил, не видела. Но другого видела, когда ненадолго в себя пришла.

– И... Опознать его сможешь? Описать?!

– Не знаю... Он похож... Нет, не помню на кого, но похож... – произнесла девица, закрыв глаза.

– На певца? На актера? – пытался подсказать Казаков.

– Нет, – не открывая глаз, покачала залепленной пластырем головой девица.

– Высокий он?

– Средний...

– Русский или кавказец...

– Нет...

Что означало последнее «нет», Казаков не понял. Девица же более ничего не говорила и глаз не открывала. Он вынужден был вызвать медсестру, которая, осмотрев девушку, сказала, что все в порядке, но посетителю лучше немедленно уйти.

«Хиросима... – шагая вперед по больничному коридору, размышлял Казаков, – это ведь какой-то спецназовский термин. Что-то вроде зачистки! Причем не у „Альфы“, не у МВД, а у армейцев. Кажется, у десантников. Точнее, у спецназа ВДВ! А вот при чем тут арабские слова?» Додумать далее Казаков не успел, его окликнула медсестра из палаты, где лежала первая девушка:

– С вами говорить хочет! Немедленно!

Первая девица выглядела чуть лучше, чем вторая, и голос звучал бодрее и без пренебрежения.

– Что-нибудь вспомнила? – спросил ее Казаков.

– Да. Только вот нужно вам это или нет...

– Ты говори, я разберусь!

– Макс, когда приехал, сказал, что сильно задержался у Аллы Григорьевны. А ему сказали, бросай ты, мол, эту старуху, посмотри, какие у нас девчата... Это нас с Ниной имели в виду.

– И что дальше?

– Макс сказал, что она никакая не старуха, ей лишь чуть за тридцать, а выглядит куда моложе... И что завтра он снова к ней поедет.

– Кто такая Алла Григорьевна? – тут же поинтересовался Казаков.

– Массажистка. Очень хорошая, говорят... Берет недорого... И не проститутка, – чуть потупив взор, пояснила девушка, – Макс у нее после растяжения лечился.

– Где она живет? Где работает? – выстреливал вопросами Казаков.

– Не знаю, – пожала плечиками девушка. – Я ее ни разу не видела, только слышала, что хорошая массажистка. Вроде не замужем и на внешность приятная... Нужно вам это?

– Пригодится, – кивнул Казаков.

Сейчас хороша была любая зацепка. Рыбаковского сынка надо было найти как можно быстрее, живого или мертвого.

Сев в машину, Казаков тут же связался с Юрием Генриховичем:

– Слушайте, Максим ведь после растяжения лечился у какой-то массажистки, вроде Аллой зовут. Молодая, интересная. Не знаете, кто?

– Да, есть такая, – не задумываясь ответил генерал. – Хорошая массажистка. Тебе нужен ее адрес? Сейчас скажу.

3

Очередной клиент Аллы Григорьевны был мужчина средней комплекции. Водорезов (а это был он) прибыл по рекомендации, впрочем, как и многие другие, нуждающиеся в грамотном, квалифицированном массаже. Роста невысокого, телосложения среднего, правда, без живота, но и без особых мышечных излишеств, да и лицом самый обыкновенный, что называется – из толпы. Массируя правую руку клиента, Алла увидела уродливый рваный шрам на внешней ее стороне, тянувшийся чуть ли не до плеча. Она старалась не задевать травмированную зону, отчего сам процесс массажа немного застопорился.

– Мне не больно, – произнес клиент, даже не глядя на нее. – Работайте, не обращайтесь внимания.

– Это вас... ножом? – не удержалась от вопроса Алла.

– Осколки взрывного устройства, – бросив на женщину отстраненный взгляд, ответил клиент. – Легли так, будто и в самом деле десантным ножом проехали. В полевом госпитале все удивлялись.

– Вы военный? – полюбопытствовала она.

– Да, – ответил он. – Вы продолжайте, продолжайте.

Алле ничего не оставалось, как продолжить. Военные ей представлялись, как и большинству молодых женщин, – красивыми и здоровенными. У клиента же была внешность токаря или фрезеровщика, ну самое большее мастера производственного обучения. Так, во всяком случае, казалось Алле Григорьевне. Этот человек скорее всего какой-нибудь техник или при складе армейском. Ни на летчика, ни на десантника он никак не тянул.

Отработав положенное сеансом время, Алла сказала, что мужчина может одеться.

– Простите, ваше имя в талоне неразборчиво написано, – зачем-то сказала Алла, принимая от мужчины деньги за работу.

– Меня зовут Николай, – ответил клиент. – Можно без отчества...

«Хмурый тип», – с легкой досадой подумала Алла. Никакого внимания, никаких попыток ухаживания. Или он не замечает, что перед ним симпатичная (нет, пожалуй, все-таки красивая!) женщина. Пусть не юная девушка, но и не дама бальзаковского возраста. Излишнего мужского внимания Алла не любила, но и когда с тобой вот так вот, точно с кирпичной стеной... Она ведь, между прочим, не замужем.

– Мой телефон у вас есть, по поводу следующего сеанса созвонимся завтра, – произнесла она на прощание.

Клиент собрался было что-то ответить. Но в этот момент дверь массажного кабинета открылась, и без предварительного стука на пороге появился высокий здоровенный детина, одетый в дорогой плащ и тяжелые блестящие лаковые ботинки сорок пятого размера. Если бы Алла работала в поликлинике ФСБ, то, возможно, узнала бы полковника Игоря Казакова. Но она была массажисткой частной клиники и оттого приветствовала вошедшего без должного почтения:

– У нас принято стучать, – вежливо, но строго произнесла она. – Вам назначено на сегодня? Где ваш талон?

– Талоны в трамвае, – произнес в ответ Казаков. – А у меня к вам вопросы иного порядка. На сегодня ваша работа закончена. Отпустите клиента, разговор будет долгим.

Казаков мог бы для официоза показать женщине свое служебное удостоверение, но он не хотел лишний раз светиться перед посторонними. Сейчас этот плюгавенький мужичок уйдет, и Игорь Алексеевич без лишних ушей объяснит массажистке, кто в доме хозяин.

– Для начала снимите свой плащ и повесьте его в гардеробе! – довольно жестким голосом отозвалась Алла Григорьевна.

– Для начала мы останемся наедине, – кивнув на Водорезова, произнес Казаков.

«Какой-то бандитский тип! – Аллу охватил испуг. – Сейчас клиент, так называемый военный, удерет отсюда, и что тогда делать?»

– Не задерживайтесь, у меня мало времени! – шагнув к Николаю, продолжил Казаков. – Прошу на выход, дорогой товарищ!

– Может, и в самом деле сперва плащ снимете? – чуть отступив, негромко и буднично как-то спросил Водорезов.

Казаков заметно налился краснотой. Когда всякая шелупонь поднимала голос, полковник этого не выносил. Это в служебном кабинете он вынужден был сдерживать себя, дабы не испортить карьеры. Но когда представлялась возможность порукоприкладствовать безнаказанно, то Игорь Алексеевич никогда ее не упускал. Сейчас он собрался взять неказистого строптивца за шиворот и одним махом вышвырнуть его в коридор. Милицию тот звать не будет, а баба-массажистка станет куда вежливей и послушней. Он уже потянулся, чтобы схватить мужичка за ворот, как вдруг почувствовал в руке острую, нестерпимую боль. Мужичок же сделал пару неуловимых движений, после которых Казаков потерял сознание, тяжелым мешком рухнув на пол массажного кабинета.

– Что это? – держась обеими ладонями за виски, спросила Алла.

– Вовинам, – так же мрачно и отстраненно ответил Николай.

Он по-прежнему не смотрел на Аллу Григорьевну, обшаривая карманы поверженного противника.

– Что вы сказали? – переспросила женщина, с трудом приходя в себя.

– Вьетнамское боевое искусство, – ответил Водорезов, извлекая из подмышечной кобуры Казакова табельный пистолет.

– Ой! – аж взвизгнула Алла, будто увидела мышь.

– Не «ой», а пистолет Макарова, – буднично проговорил он в ответ, осматривая оружие, – с полным боекомплект, все восемь патронов. А это что? – Николай извлек из внутреннего кармана полковничьего плаща фээсбэшное удостоверение. – Некто Казаков, полковник ФСБ. Часто, Алла Григорьевна, к вам такие персонажи вламываются?

Тут он наконец-то посмотрел на нее.

– Н-нет, – с заметной дрожью в голосе ответила Алла.

– Ясно, – вновь помрачнев и опустив взгляд, проговорил Николай. – Полковник не полковник?! Вот хам редкостный. Через секунд двадцать очухается, придется поговорить. – Он тяжело вздохнул, держа при этом трофейное оружие в боевом положении.

– Может, милицию вызвать? – спросила Алла.

– Она в любом случае позже придет, – чуть менее хмуро ответил Николай и снова поднял на нее глаза.

И Алла отметила, что глаза у ее заступника были красивые. Умные, темно-карие, с каким-то внутренним огоньком.

– Вы этот... как же это называется... – начала было Алла, пытаясь дать определение воинской специальности Николая.

– Нет, я тот, – не дав ей закончить, сказал Николай.

– Вы из отряда «Альфа»? – подобрала точное определение Алла.

– Нет, спецназ ВДВ, – ответил Николай, вновь переведя взгляд на вяло зашевелившегося Казакова.

Надо же, все-таки десантник! Но не легчик и не моряк. Алле Григорьевне оставалось лишь изумленно покачать головой. И ведь по поводу валявшегося у их ног нахала не ошибся – минуты не прошло, а фээсбэшник на полу уже шевелился.

– С возвращением с того света, господин Казаков, – произнес Николай, как только его недавний противник открыл глаза.

– А ты парень борзый, – только и ответил Казаков, стараясь сохранить спокойствие.

– Я не борзый, просто хамов не люблю.

– Оружие ты мне сейчас вернешь, – чуть приподнявшись с пола, сказал фээсбэшник, – удостоверение тоже. Ну а потом...

Договорить он не успел. Николай ударил его носком своего ботинка в корпус столь резко и быстро, что Казаков поперхнулся на полуслове и вновь оказался в лежащем положении.

– Я же тебя предупреждал, что хамства не люблю. Стало быть, терпеть его не буду, – заявил Николай, направив оружие в лоб Казакову, – а вот какой ты полковник, еще большой вопрос. Пока что ты шпана, гопник, вломившийся к женщине в медицинский кабинет.

Казаков хотел было сообщить Николаю об уголовной ответственности за препятствование должностному лицу, исполняющему свои обязанности, но не стал этого делать.

– Ладно, давай жить дружно, – проговорил Казаков, оценив наконец уровень боевой подготовки своего противника.

– Давай, – кивнул маленький десантник.

– Кто я такой, ты теперь знаешь. И должен понимать, что так просто я этого не оставлю, – сурово, стараясь не нервничать, предупредил Казаков.

– Извини, приятель, но я с детства не терплю, когда меня берут за шиворот. Извини, – очень вежливым, чуть ли не заискивающим голосом повторил Николай, не выпуская при этом из рук казаковского пистолета.

Казаков, стараясь не терять чувства собственного достоинства, поднялся на ноги.

– Откуда ты такой лихой? – спросил он, оглядывая Николая сверху вниз, благо рост Казакова это позволял.

– Отдельный разведывательный полк специального назначения при штабе ВДВ, – ответил Николай. – Слышали о таком, господин полковник?

Николай неожиданно перешел на «вы».

– Слышал, – кивнул Казаков, стараясь не выдавать охватившего его волнения.

«Спецназ ВДВ... – лихорадочно застучали его мысли. – И та девица вспомнила „Хиросиму“... На сленге десантников это штурм, зачистка!»

– Ты извинился, теперь я извиняюсь, – произнес Казаков уже почти приятельским тоном. – Дай-ка сюда оружие!

С этими словами Игорь протянул свою широченную, тяжелую ладонь.

– А перед Аллой Григорьевной? – не торопясь возвращать пистолет, осведомился Николай.

К подобному общению Казаков не привык. Обычно он напирал, давил, заставляя людей оправдываться, терять уверенность в себе. Сейчас все было наоборот.

– Немного погорячился, извините, – повернувшись к молчавшей до этого момента массажистке, выдал из себя Казаков, пряча при этом глаза.

Ради того, чтобы добыть нужную информацию, приходилось идти на все. Однако это вовсе не означало, что потом Игорь Алексеевич все простит и забудет.

– И плащ... – робко напомнила женщина. – В верхней одежде в кабинете нельзя!

Эти твари просто-таки издевались над полковником! Он им что – салага-первогодок?! Да при его статусе он ботинками дверь в любой конторе открывает, не говоря уже об этой занюханной клинике. Казаков собирался с мыслями, что делать дальше. Эту парочку нельзя упускать, но и унижаться перед всякой шелупонью... И тут, на удачу Казакова, дверь отворилась и опять же без стука на пороге появился майор Григорий Мартынов в сопровождении

троих крепких ребят. У двоих под куртками отчетливо просматривались компактные пистолет-пулеметы, которые они готовы были пустить в ход в любой момент.

– Проблемы, Игорь? – спросил Мартынов, представив служебное удостоверение оперативника МУРа.

– Ты как здесь оказался? – вопросом на вопрос ответил Казаков.

– Просто шел по твоим следам! – пояснил майор Мартынов. – Девочку в больнице допрашивал аккурат после тебя, и... сам понимаешь.

В самом деле, конечно же Григорий тоже допросил девиц в больнице, знает и про «Хиросиму», и про арабские словечки. Казаков довольно зло усмехнулся. Дурацкая ситуация, ничего не скажешь. Впрочем, если он сумеет добыть информацию для Ширмана, то любые унижения оправданы.

– Каюсь, господа хорошие, мы некоторое время подслушивали под дверью, как в вашем кабинете развиваются события, – продолжил Мартынов. – Уж извините, издержки профессии. Ко всему прочему вы разговаривали здесь так громко, что мне пришлось дать ребятам команду прислушаться и разобраться в ситуации, прежде чем распахнуть дверь.

Казаков старался сохранять невозмутимый вид, но с каждой мартыновской фразой делать это было все труднее и труднее.

– Значит, так, уважаемый, – кивнув Николаю, произнес майор, – немедленно верните оружие полковнику.

Николай выполнил указание муровца, правда, без особого энтузиазма.

– А теперь предъявите офицерское удостоверение! – продолжил Григорий.

Из внутреннего кармана Николай достал документ.

– В самом деле – отдельный разведывательный полк спецназначения ВДВ, – изучив документ, проговорил Григорий, переглянувшись со своими подчиненными, – Николай Водорезов, гвардии подполковник. Не больше, но и не меньше.

– Простите, а чем вызван интерес столь серьезных контор к скромному массажному кабинету? – позволил себе поинтересоваться Николай, пряча свой документ в карман пиджака.

– Вот сейчас узнаете. Вам, Николай, и вам, Алла Григорьевна, – Мартынов обаятельно улыбнулся ошарашенной происходящим Алле, – придется проехать с нами. На Петровку, 38.

4

Черная шапочка-полумаска (типа ниндзя) с одной стороны несколько затрудняла дыхание, с другой заметно меняла голос. Шварц-младший не хотел, чтобы Максим Рыбаков мог опознать его команду по внешности, поэтому сам первый скрыл лицо, превратившись в зловещего ниндзя.

– Ну-ка встать, старший лейтенант! – скомандовал Шварц-младший съезжившемуся генеральскому отпрыску.

Тому ничего иного не оставалось, как подскочить и нервно вытянуться перед командиром. Полчаса назад он очнулся в каком-то темном подвале без окон и со звуконепроницаемыми стенами.

– Что бывает за коррупцию, знаешь? А также за измену Родине? За торговлю наркотиками? – посыпал вопросами Шварц-младший.

– А при чем... измена Р-родине? – с дрожью в голосе спросил Макс Рыбаков.

– Смотри-ка! – переглянулся командир с находившимися рядом Вагиным, Петром и Крафтом. – Про измену спрашивает, паскудник! А коррупцию и наркоторговлю, выходит, признает?! Признаешь, сукин сын?! – Схватив Макса за кадык, Шварц-младший притянул его к себе вплотную.

– Я... не понимаю, – слегка закашлявшись, залепетал юнец.

– Сейчас объясню, – чуть ослабив хватку, кивнул Шварц-младший. – Коррупция и торговля наркотиками – это и есть измена Родине! Понял, ублюдок мусорской?!

Макс поспешно и весьма утвердительно затряс головой. Шварц-младший безразлично отшвырнул от себя молодого Рыбакова так, что тот с трудом удержался на ногах.

– «Лендкрузер» на жалованье старшего лейтенанта купил? Коттедж, квартиру? – перечислял командир. – А откуда бабки, которые ты в казино каждый вечер просаживаешь?! А элитные проститутки? Ну, давай отвечай!

– Я... Не я это. Мне указания... давали, – сбивчиво лепетал Макс.

– Павлика Морозова мне тут не строй, папу родного не закладывай, – оборвал его Шварц-младший. – Папа за свое ответит, ты за свое. Прямо сейчас!

– Да, да, – с готовностью закивал головой Макс. – Готов отвечать!

– Ты за что звезды офицерские получил? – с нескрываемым презрением произнес Петр. – За то, что наркоманам стволы за пояс совал, а потом делал вид, что взял вооруженную банду. Было такое?

– Было, – после небольшой паузы выдавил из себя Макс.

– Ну и какой ты в задницу офицер, – с неприязнью сказал командир, – ты, Макс, дерьмо собачье... Вот послушай меня!

Последняя фраза была сказана неожиданно тепло, почти по-отечески. Будто заслуженный мастер наставлял юного, неопытного ученика.

– В армию ты идти не пожелал, потому и устроил тебя папа в ментовскую академию, благо там один из кадровиков его бывший сослуживец. Ты ведь, Макс, и ментом-то быть не хотел, даже истерику папаше устроил. Ты хотел быть экономистом, менеджером-управленцем, на худой конец финансистом. Только в вузах, где их готовят, у папы не было такого железного блата, и в армию оттуда можно было загреметь. А в ментовском университете еще и бесплатное юридическое образование давали. Учился ты там неважно, но пятерки тебе все одно ставили, даже по физподготовке, которую ты банально прогуливал. Окончил заведение – сразу в центральный департамент по борьбе с оргпреступностью. Ну а там... Обучили тебя интересным вещам – как эту самую преступность организовывать. Находил ты бомжа, сулил ему триста долларов за то, что в указанное место отнесет он большую тяжелую спортивную

сумку. Бомжик нес, а на полдороге твои коллеги его и хватали. И изымали из той сумки гранатомет «Муха». Такие же штучки с наркоманами проделывал. А настоящих преступников – убийц и бандитов – ты ведь, Макс, и в глаза не видел.

– Видел, – по-мальчишечьи шмыгнув носом, возразил Макс.

– Правильно, – кивнул Шварц-младший. – Когда они, прикованные к батареям, стояли в коридоре твоего родного департамента. Видеть ты их видел. Может даже, кому из прикованных по почкам съездил. Только брали настоящих бандитов другие люди.

Рыбаков-младший промолчал, а молчание, как известно, знак согласия. Действительно: брал бандитов СОБР – специальный отряд быстрого реагирования.

– А теперь, Макс, я скажу, о чем ты сейчас больше всего мечтаешь, – вновь по-отечески проговорил командир. – А мечтаешь ты выбраться отсюда, забыть все как страшный сон, погони сорвать, фуражку в мусоропровод и навсегда с ментовской конторой распрощаться. Я угадал?

Макс опустил голову.

– Так вот, если ты ответишь на мои вопросы, то такая возможность у тебя будет. Ну а если нет... Печку в подвале тебе ребята показывали?

Макс обреченно кивнул.

– Вот в ней и сожжем, – как ни в чем не бывало пояснил Шварц-младший.

Макса передернуло так, будто ему за шиворот сунули уголь из этой самой печки.

– Как нам стало известно, твои хозяева планируют в ближайшие дни провести некую крупную операцию под названием «Амнистия». Время и место?

– Я не знаю. Даже примерно. Меня в это не посвящали, – сглотнув, пожал неширокими плечиками Макс.

– Тебе ведь предстоит спецкомандировка. Ее в баньке и отмечали. Когда и куда?

Юнец задергался всем телом, как будто через него пропустили электрический ток.

– Через три дня, – произнес он, совладав с дрожью.

– Куда?

Рыбаков назвал приграничный с Чечней район Солнцедарский. Петр переглянулся со Шварцем-младшим. Данная информация совпадала с аналитическими расчетами командиров.

– Твои функции?

– Охрана. У меня ведь удостоверение, полномочия, право на ношение оружия. И еще будет что-то... Но мне заранее не сказали.

– Верим, – уловив настроение командира, подал голос Петр, – значит, через три дня ты должен быть в городе Солнцедарске. Летишь самолетом?

Макс кивнул.

– Один или в паре?

– В паре должен был... С тем самым, которого вы убили.

– С чеченцем? – уточнил командир.

– Да. Он работал на нас и имел надежную ксиву прикрытия.⁴

– А ты знаешь, что он таким вот, как ты, пацанам глотки ножом резал? – не удержавшись, спросил Петр. – На спор, знаешь ли... Снесет человеку башку с одного раза или нет. Или с завязанными глазами. Знал про такое?

– Нет.

– В какой гостинице должны остановиться?

– В... Не знаю название, где-то на окраине города, как назвал ее чеченец – сраная.

⁴ Ксива прикрытия – поддельный документ.

Командир вновь выразительно переглянулся с Петром, Вагиным и Крафтом. Без лишних комментариев было ясно, что «сраная» гостиница выбрана потому, что расположена вблизи предполагаемого «театра боевых действий».

– Ты сказал правду? – спросил Шварц-младший.

– Да.

– Тогда жди моего решения.

Молчавший все это время Вагин сгреб Макса своей ручищей и отправил в подвальное помещение. Поближе к теплу. К печке.

– Как говорится, курица по зернышку, – обращаясь сразу ко всем подчиненным, начал командир, как только Вагин вернулся. – Вчера мы узнали, что наркофирма готовит некую «амнистию», сегодня уже знаем, где и примерно когда.

– А насколько точной является первоначальная информация об «амнистии»? – спросил Крафт.

– Мы сами внедрили Иру в наркофирму под видом секретарши Ивана Ширмана, основного идеолога, можно сказать, «мозгового центра» наркомафии. Ошибиться девушка не могла... И перевербовать ее Ширман и компания тоже не могли. Мы, конечно же, внесли некую путаницу. Убрали президента Тучкова (который на деле ширма, зиц-председатель), убрали чеченца, через которого осуществлялась связь с боевиками и их наркобоссами. Но операцию они не отменят. Ни в коем случае! Правда... могут перенести, – подвел итог Шварц-младший, – главное, у нас есть информатор.

– Информатор? – удивился Вагин. – Я думал, что его... Ну не в печи, конечно же...

– Зачем его убивать? – поддержал командира Петр. – Он теперь наш человек.

– Наш человек? – переспросил юный, еще неопытный в подобных делах Крафт.

– Ну не совсем наш... Но работать теперь будет на нас, – уверенным тоном произнес Шварц-младший.

– Ладно, командир, – согласился Вагин.

– Ты, Вагин, и ты, Крафт, немедленно вылетаете в Солнцедарск и берете под контроль гостиницу. Кажется, она зовется «Прибой».

– «Утес», – поправил Петр, – странное название, до моря от нее порядочно.

– Значит, плавки можно не брать, – подытожил Вагин.

– Почему же, возьмите на всякий случай, – произнес командир и, повернувшись к Крафту, добавил: – Натаманна лякум наджа хан. Рихля саи да!

– Счастливого пути тебе командир пожелал, а заодно и удачи, – пояснил Петр засмущавшемуся Крафту.

– Хасан джиддан⁵! – подобрав слова, под одобрительные взгляды старших товарищей ответил командиру Крафт.

С трудом сдерживая дрожь, Макс Рыбаков вновь сидел перед страшным человеком, знающим всю его, Максову, жизнь.

– Мы организуем тебе побег, Максим, – говорил Рыбакову Шварц-младший. – Так организуем, что комар носу не подточит. Но твоя задача – говорить только то, что я тебе сейчас скажу. Убийство в бане совершили кавказцы. Они же похитили тебя, но ни о чем не спрашивали, просто перевозили с одного места на другое. Откуда и куда, ты, естественно, знать и видеть не мог. ВСЕ!

– Все?! – переспросил Макс.

⁵ Очень хорошо! (арабск.)

– С этим да. А потом... Потом, Макс, ты успешно выходишь из игры. Насовсем. Если проживешь долгую и счастливую жизнь, благодари в старости меня. Ты устраиваешь папаше истерику, говоришь, что плохо себя чувствуешь, не можешь никуда ехать... Он тебя как сына пожалеет, даже в хорошую клинику лечения неврозов устроит. А потом и вовсе из милиции спишет по состоянию здоровья. Будешь где-нибудь юристом хорошие бабки заколачивать. Главное – на этом для тебя ВСЕ закончится. Но если ты скажешь папе о... О том, как ты выдал его и, главное, его бизнес-партнеров с потрохами, то папа тебя не пожалеет. И папу не пожалеют. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – закивал Макс.

– Вы оба перестанете существовать. Причем в рекордно короткие сроки, – предупредил командир, – и убьют вас не мои люди, а папины приятели. Все, иди отдыхай! Скоро на свободу!

Как только Макса увели, Шварц-младший и Петр сорвали шапочки-полумаски и хлопнули друг друга по ладоням.

– Очень убедительно, – оценил Петр. – Пожалуй, он и в самом деле будет молчать. Ты думаешь, для него действительно ВСЕ?!

– Посмотрим. Появится необходимость – отыщем. Но без нужды тормозить не станем.

– Стало быть, наркофирма, а вместе с ней и милиция с прокуратурой будут отрабатывать версию о том, что чеченец поссорился со своими соотечественниками, те решили сыграть самостоятельную игру, сгоряча оставили много трупов, а генеральского сынка похитили с целью шантажа?

– Да. Выслушав Макса, все подумают именно так. На отработку этой лжеверсии уйдет определенное время.

– А мы не обрубим таким образом связь Ширмана с чеченскими боевиками?

– Нет, – твердо произнес Шварц-младший. – Ира говорила, что у Ширмана в чеченских партнерах есть кто-то более серьезный, нежели тот, кого мы ликвидировали. Он как-то приезжал в фирму на переговоры, и весь персонал в тот день был спешно распущен по домам. Ира подавала кофе, но лица того, кто прибыл на переговоры, ей рассмотреть как следует не удалось.

Петр дернул головой, по-гусарски щелкнул пальцами, и они с командиром вновь ударили по рукам.

5

– У обоих железное алиби, – произнес Гриша, положив телефонную трубку и оглядев находящихся в его кабинете Казакова и только что прибывшего «важняка».

– Давайте еще раз посмотрим видеозапись, – сказал «важняк».

– С кого начнем?

– С женщины.

На экране появилось приятное, с тонкими чертами лицо Аллы Григорьевны.

– Максим долечивал у меня растяжение, и ему требовалось еще три-четыре сеанса. Он сказал, что на следующий сможет прийти не скоро, ему предстояла какая-то командировка, – сообщила Алла.

– Вы знали, где работает Максим Рыбаков?

– Нет, меня больше интересует характер травм моих клиентов.

– Вы кому-нибудь говорили о том, что Максим уезжает в командировку?

– Нет. Кому я могла об этом сказать?

– У вас часто проходят лечение офицеры спецслужб, армии, милиции.

– Я вам уже сказала: профессиональным статусом тех, кого я лечу, не интересуюсь.

Далее было задано еще несколько вопросов, на которые были даны ничего не говорящие ответы. С Водорезовым же все оказалось еще проще и занудней. Не был, не участвовал, не состоял, не видел. Алиби подтвердилось на сто процентов... Что на самом деле ни о чем не говорит.

– Ну что сказать? – начал «важняк» как старший следственно-оперативной группы. – Массажистка знала о том, что Рыбаков уезжает в командировку. И что из этого?

Казаков и Гриша с ответами и комментариями не торопились.

– Считаете, этих разрабатывать не нужно? – в свою очередь задал вопрос Казаков, кивнув в сторону видеомонитора.

– Водорезов вообще только вчера приехал в Москву из Саратовской области со съезда участников локальных войн. Даже заметку об этом по электронной почте прислали, – Гриша кивнул на распечатку черно-белой фотографии, где невысокий подполковник ВДВ стоял в окружении более могучих ветеранов-десантников. В любом случае лично в акции Водорезов участвовать никак не мог.

«Вот именно – лично!» – отметил про себя Казаков, но вслух ничего не произнес.

Алла Григорьевна собралась домой, когда стрелки часов показывали уже половину десятого. После визита в милицию она успела принять еще троих клиентов, нуждающихся в массаже. Ей пришлось извиняться за задержку, клиенты холодно кивали, но от процедуры не отказывались. Выйдя на улицу, Алла решила поймать такси. Несмотря на то что час пик уже миновал, добираться до метро не хотелось. Машина же домчит ее от крыльца до крыльца. Долго голосовать не пришлось. Не прошло и пяти минут, как перед ней затормозила темно-зеленая «Нива».

– Садитесь, пожалуйста! – отворив дверцу, произнес шофер, в котором Алла не без удивления узнала Николая Водорезова.

– Вы что же, решили стать моим телохранителем? – спросила Алла, не торопясь при этом в салон.

– Садитесь, – повторил Николай.

Поколебавшись для приличия еще секунды четыре, Алла уселась на переднее сиденье. «Моему телу действительно нужен хранитель», – мысленно произнесла она, вспомнив, как любовалась сегодня в зеркале собственной фигуркой, не имеющей ни одного лишнего

килограмма. По роду профессии Алле часто приходилось созерцать женские тела, и сравнения всегда были в ее пользу. Конечно, она не юная фотомоделка (немного не хватает роста), но фигура стройная, талия видна даже под одеждой, бедра не слишком худые. Прибавить к этому ясные серые глаза и стильную прическу из каштановых от природы волос. Алла никогда не носила длинных волос, так как считала, что при невысоком росте они ей не пойдут. «Хранитель тела» сейчас уже не казался Алле неказистым. Надо сказать, что он был выше ее. Сантиметра на четыре, никак не больше. Вот только по-прежнему был хмурым и неразговорчивым. Машину он вел довольно лихо, Москву знал хорошо, не прошло и получаса, как Николай затормозил рядом с подъездом Аллы.

– Большое вам спасибо, Николай, – она раскрыла сумочку в поисках кошелька.

– Это лишнее, – хмуро отозвался Водорезов.

– Нет, что вы, путь неблизкий, да и вообще...

Надо сказать, что всю дорогу они ехали молча. И сейчас, судя по всему, Николай не сделает ни малейшей попытки, чтобы проводить Аллу хотя бы до лифта.

– Спрячьте вы ваши деньги, – уже совсем нелюбезно произнес Водорезов, – и не выходите сразу из машины. Подождите немного.

«Командует, точно своими солдатами, – мысленно немного обиделась Алла. – И смотрит при этом не на меня, а по сторонам...»

– Все ясно, – спустя секунд двадцать произнес Николай. – Мне придется проводить вас до квартиры.

«Какой странный способ ухаживания! – подумала Алла. – Или у десантников так принято?!»

– У вас оружие есть? – спросил Николай, прежде чем Алла покинула автомобильный салон.

– Откуда?! – изумилась та.

– Женщины часто носят газовые баллончики и, как правило, с просроченным газом, – без тени иронии пояснил Николай. – Возьмите-ка!

С этими словами он протянул женщине пистолет неизвестной Алле системы.

– Газовый, – сказал Николай. – Если на нас нападут, то направьте его в сторону нападавших и стреляйте.

– А на нас нападут? – изумленно произнесла Алла.

– Или какие-то ребятишки валяют дурака, или у меня мания преследования, – Николай кивнул за окно машины, но Алла никого не увидела. – Сейчас узнаем!

С этими словами Николай решительно вышел из машины.

В подъезде, освещенном тусклой лампочкой, было пусто. Пустой лифт приехал с пятого этажа, на котором и находилась квартира Аллы. Отметив это, Николай стал еще более хмурым. Оглянулся назад, но ничего не сказал.

Как только лифт поднял их до нужного этажа, Николай решительным жестом взял за руку Аллу, которая уже собиралась выйти на площадку. Он настороженно прислушался, приложив палец к губам. Алла не осмелилась перечить и что-либо спрашивать. Оба они точно окаменели и вросли в стенки лифта. Еще пара секунд, и двери лифта сами собой закроются. Похоже, на площадке никого не было. Вдруг со стороны квартиры Аллы послышался слабый шорох, точно кто-то мягко, стараясь не производить шума, сделал шаг к лифту. В то же мгновение Николай выскочил на площадку. Послышался чей-то сдавленный стон, и под ноги Алле, уже сделавшей шаг вслед за Николаем, упал внушительного телосложения мужчина в черной куртке. А Николай уже исхитрился взять на излом руку второго, не менее габаритного субъекта, надавил на нее так, что тот вскрикнул, и на коврик перед Аллиной дверью упал пистолет с длинным толстым стволом. Николай тут же выпустил противника и почти одновременно ухитрился ударить его локтем в основание шеи. Противник, точно так же, как

и первый, оказался у ног Аллы Григорьевны. Между тем с четвертого этажа подоспел еще один. Он яростно атаковал Николая. Тот сумел блокировать два удара, однако вынужден был отступить. Противник провел рубящий воздух удар ногой, Николай вместо блока уклонился, пытаясь подсесть ноги нападающего, но и тот оказался не лыком шит, вовремя отпрыгнул. Тут Алла наконец вспомнила про газовый пистолет, который ей дал Водорезов. Выхватив его, она направила ствол на нападающего и нажала на спусковой крючок. В следующую секунду и противник, и Николай схватились за лица и тут же тяжело закашлялись. Алла и сама почувствовала едкий, отвратительный, щиплющий глаза и горло запах.

– Взрываю всех, л-ло-ж-житесь, т-твари! – кашляя, прорычал Николай, сумев выхватить из кармана какой-то предмет.

При этих словах нападавшие повели себя, словно персонажи кинофильма при убыстренном показе ленты. Тот, которого Николай свалил первым, подхватил упавший пистолет, одновременно помогая второму подняться на ноги. Вместе они подхватили третьего, который по-прежнему держался за лицо и откашливался. Все трое дружно рванули вниз, а Николай со страшным кашляюще-рычащим воплем кинул им вслед предмет, который только что извлек из кармана.

Надо сказать, что часа за два до происшествия у дверей Аллиной квартиры полковник Казаков имел деловую беседу со своим нынешним работодателем Иваном Эмильевичем Ширманом.

– Стало быть, Игорь, ты уверен, что вышел на след? – спросил Ширман, выслушав последние новости от Казакова.

– У меня хорошая оперативная интуиция, – ответил Казаков. – Она редко меня подводит, ты же знаешь, Иван.

Ширман знал.

– Тогда слушай, Игорек, мое последнее решение, – заговорил Ширман с чувством, толком и расстановкой. – То, что эти неизвестные «каратели» убрали нашего дорогого шефа, нам с тобой в некоторой степени даже на руку. Кем был наш президент? «Комсюком» вонючим и трусливым он был. У него же и образования-то никакого не было.

– Высшая комсомольская школа считалась в советские времена одним из самых элитных вузов страны, – заметил Игорь, хорошо знающий подробности биографии погибшего шефа.

– В советские! – зло усмехнулся Ширман. – Потому что там готовили мудаков, которые просиживали свои толстые жопы в райкомах и жрали икру. Комсомольская школа! Какашкина школа, как они сами ее называли! И еще они оказались такими мудаками, что срубили сук, на котором сидел Великий и Могучий Советский Союз!

Последнюю фразу Иван произнес без всякой иронии, с каким-то возвышенным пафосом, чего за Ширманом обычно не водилось.

– Но наш шеф неплохо преуспел в бизнесе, – позволил себе возразить Казаков, опасаясь подвоха. – Да и другие, как ты их называешь, «комсюки».

– И где наш шеф сегодня? А, Игоречек? Ты-то уж прекрасно знаешь, что мозговым центром всегда был я. А покойный Тучков... Зиц! Зиц-председатель, имевший связи, оставленные его папочкой. Таким же вонючим «комсюком». Не подайся он в бизнес, а живи в СССР, то непременно дожил бы до персональной пенсии. Они вон все до девяноста и более лет живут. Каганович, Маленков. Твой коллега Судоплатов... То, что завалили чеченца, тоже не так плохо. Он в федеральном розыске, в любой момент мог бы засветиться. Я же предпочитаю иметь дело с человеком, которого уже давно никто не ищет и который... пользуется куда большим авторитетом среди исламских экстремистов, чем какой-то мелкий отморозок.

– Кого ты имеешь в виду?

– Скоро узнаешь, Игорь. Сейчас речь не о том. Речь о «зондеркоманде». Как ни странно, эти крутые ребята мне помогли. В первую очередь – избавиться от шефа и чеченца. Ведь это все равно рано или поздно должно было произойти. Согласен, Игорь?

Казаков молча кивнул.

– Так почему бы не сделать так, чтобы эта «зондеркоманда» работала в наших с тобой интересах? – Иван задал наконец самый главный вопрос.

– Я, кажется, понимаю, о чем ты говоришь. – Казаков быстрым движением пригладил волосы. – Но это будет нелегко.

– Это надо сделать, Игорь. Либо «каратели» будут работать на нас, либо рано или поздно они нас ухлопают.

– Игра с огнем, Иван!

– Наденем специальные огнеупорные костюмы и запасемся огнетушителями.

– Хорошо, – согласился наконец Казаков. – Предположим, эта Алла – агент «зондеркоманды». Она узнает, что старший лейтенант Рыбаков отбывает в некую спецкомандировку на неопределенный срок. Узнав об этом, зондеркоманда решает форсировать события.

– Замысловато, но имеет право на версию... – чуть подумав, произнес Ширман.

– Нужно ловить на «живца». И наживка у нас на сегодняшний день одна-единственная. Это мадам массажистка. Иван, мне прямо сейчас нужно человек пять крепких, не очень склонных к размышлениям ребятшек из твоей службы безопасности.

– Шпазма подойдет? Шучу, не кипятись, Игорек. Все будет, как ты скажешь. Ирочка! – по внутренней связи Ширман соединился с верной длинноногой секретаршей. – Дежурную смену службы безопасности ко мне немедленно... А потом чашку кофе, пирожок... и Шпазму!

Взглянув на себя в зеркало, Николай отметил, что физиономия у него красная и опухшая. Кашель, правда, прошел и зрение вновь в норме.

– Говорил же вам – стрелять в противника, – утерев лицо полотенцем, Николай приступил к «разбору полетов».

– Я и стреляла, – немного обиженно отозвалась Алла. – Просто вы как-то... Ну сами... Под выстрел попали.

– Ладно, чего уж теперь, – выходя из ванной комнаты, произнес Водорезов.

Окончательно придя в себя, он внимательно осмотрел квартиру Аллы. Женщине ничего другого не оставалось, как предоставить Водорезову свое жилище для оказания первой помощи.

– Шторы глухие, – заметил Николай, оглядев единственную принадлежащую Алле комнату. – Надо задернуть вот так!

Николай подошел к окну и продемонстрировал как.

– Вы что... хотите сказать, что могут через окно...

– Я ничего не хочу сказать, просто принимаю элементарные меры предосторожности. – Николай прошел на кухню, затем вновь вернулся в ванную комнату.

– Санузел не совмещенный, это хорошо, – отметил он. – Я буду спать здесь! – заявил подполковник совершенно безапелляционным тоном. – Вам ведь вряд ли что-нибудь понадобится ночью в ванной?

– Вы хотите у меня переночевать? – спросила Алла.

– Так будет лучше, – оглядывая на сей раз коридор, проговорил Водорезов.

– Что ж, я не против, но в ванной...

– А вы мне дайте чем-нибудь укрыться, и без проблем... Вот смотрите, Алла, говорю вам напрямую. Вас полчаса назад хотели убить. И почему-то не сегодня утром, не в обед. А именно сразу после ваших показаний в милиции.

– Я кому-то неужодна?

– Да. И думаю, именно тем, что рассказали об этом паренъке. Вы дали нить. А один из тех, кто нас допрашивал, в этой нити не заинтересован. При допросе присутствовали трое.

– Вы, естественно, подозреваете этого... Казакова?

– А вам не странно, что полковник лично прибыл вас допрашивать да еще и вел себя... так, точно хотел подавить с самого начала.

Алла мысленно отметила, что они ведут разговор в какой-то жуткой казенной манере. Словно два робота.

– В любом случае утро вечера мудренее, – подвел итог Николай.

– Слушайте, а почему, если не секрет, вы решили меня проводить? – спросила женщина.

– Да так... Не понравились мне наши новые знакомые, только и всего. И еще я вижу, что вы хорошая, добрая женщина.

«Стройная и красивая!» – добавила за подполковника Алла в надежде на именно такое продолжение. Однако его не последовало.

– А когда у вашего подъезда остановились, я... Одним словом, я профессионал, Алла Григорьевна. Хотя полной уверенности, что нас пасут, тогда не было. Но вот когда к лифту подходили, я понял – нас ждут. И сверху, и, если пойдем назад, у подъезда. Принял единственно верное решение, и оно нас спасло. Если бы вы прицелились более точно, то у меня была бы возможность взять пленного.

– Лихо вы с ними, – улыбнулась Алла, в свою очередь решив сделать комплимент. – Вы мастер в карате!

– Это не карате, я же говорил вам. Это вовинам – вьетнамское боевое искусство.

«И ведь действительно! – мелькнула мысль у Аллы в голове. – Вьетнамцы маленькие, худенькие, ну точно как Николай, а сумели победить американских „зеленых беретов“ с габаритами Шварценеггера».

– Вас, наверное, дома жена ждет? – кивнув на часы, поинтересовалась Алла.

– Нет у меня никакой жены.

Николай вновь стал хмурым и оттого малосимпатичным. Однако другого спасителя у Аллы Григорьевны на сегодняшний день не было.

6

– Получите компенсацию, – Казаков протянул пачку купюр старшему дежурной смены службы безопасности ширмановской конторы.

Тот сгреб деньги и в который раз поморщился, двигая ушибленной в недавней схватке челюстью. Двое его подчиненных выглядели не лучше.

– Свободны, – отдал команду Игорь Алексеевич и, как только помятые Водорезовым громилы покинули помещение, окликнул технического работника службы безопасности: – Связь наладили?

– Нет, – лишь покачал головой технарь, – такое впечатление, что ее намеренно заглушили.

«В самом деле, – подумал Казаков, – ведь когда Алла и Водорезов зашли в квартиру, слышимость была отчетливая, каждое слово звучало так, точно оба находились совсем рядом. А потом пошли помехи. Неужели они такие крутые профи, что предусмотрели возможность установки прослушивающих устройств?! Самое хреновое – это то, что теперь совершенно непонятно, в сговоре массажистка с подполковником или нет? Ну ничего, в любом случае после того, как их пугнули эти орлы, Водорезов должен начать действовать!» Схема была простой – «бойцы» имитируют покушение на женщину, маленький подполковничек берет ее под свою опеку. И, возможно, не только под свою. Казаков был уверен, что нить к «зондеркоманде» – это подполковник Водорезов. «Хиросима», ВДВ, владение вьетнамской боевой системой... Не может, ну не может быть таких совпадений. Ко всему прочему, иных нитей к таинственным карателям у Казакова не было, и добыть их в ближайшие часы (как требовал Ширман) было нереально.

– С добрым утром! – поприветствовал Аллу Григорьевну Николай, выйдя из ванной комнаты.

Он будто и не ложился спать. Одет и причесан был точно так же, как и вчера вечером.

– С добрым, – кивнула Алла, – что за прибор вы поставили на мой сервант? – указала она на металлический предмет, похожий на мини-радиоприемник.

– За полировку не волнуйтесь, – ответил Николай, – просто у меня ощущение, что вашу квартиру прослушивают, и я принял кое-какие меры, – кивнув на предмет, пояснил Водорезов.

– Прослушивают? – удивилась Алла, но возражать, вспомнив вчерашний инцидент у лифта, не решилась. – И вы всегда таскаете с собой такие приборы?

– Алла Григорьевна, я служу в подразделении спецразведки, – ответил Николай, – профессия кое к чему обязывает, так что не удивляйтесь.

– И вы будете охранять меня вечно, – вскинув тоненькие красивые брови, поинтересовалась Алла, – или, может быть, все-таки вызовем милицию?

– Я попрошу вас, Алла Григорьевна, не разговаривать со мной таким снисходительным тоном. – Николай опять стал хмурым, скучным и малосимпатичным. – Нападение на вас было совершено после того, как вы дали показания в милиции, так? Хотите наступить на грабли?

– А вы предлагаете не доверять всей милиции? – прищулив глаза, холодно отозвалась Алла.

– Нет, – покачал головой подполковник, – но я хочу знать, кто открыл на вас сезон охоты. И я это узнаю в ближайшее время. А после этого можно будет вызывать и милицию, и следователей...

– Каким образом вы это узнаете?

– Тот, кто на вас охотится, сам придет сюда в течение полутора часов, обязательно придет... А сейчас никаких лишних слов, я отключаю глушитель.

Николай подошел к серванту, взял прибор, что-то нажал на нем, а затем убрал в карман.

– Связь появилась! – услышал Казаков растерянный голос измучившегося технаря. – Ничего не понимаю!

Казаков тут же увеличил громкость, и действительно, из наушников послышался голос ведущего утреннего выпуска новостей.

– Они телевизор включили, – пояснил технарь. – Что же это получается – если включить телевизор, помехи исчезают?!

Игорь резким жестом дал ему понять, чтобы тот заткнулся.

– По-прежнему нет никакой информации об убийстве президента антинаркотического молодежного союза. Версия, что он был заказан наркомафией, пока что единственная. Следственная группа не дает никаких комментариев...

С этими словами голос диктора умолк, судя по всему, телевизор выключили.

– Ну вот видите? – отчетливо послышался голос Николая Водорезова. – Никаких комментариев.

– А вы что думаете по поводу всего этого? – задала вопрос женщина.

– Ситуация сложная, – ответил водорезовский голос, – придется пожертвовать этим молодым человеком.

«Уж не Максимом ли Рыбаковым?!» – Сжав челюсти, Казаков напряженно вслушивался.

– Ну и ладно, в конце концов, невелика потеря, – продолжал Водорезов.

Некоторое время и женщина, и подполковник молчали. «Пожертвовать?! – размышлял Казаков. – Может, лучше взять группу захвата и без лишнего промедления отправиться к этой парочке?!»

– Как все усложнилось, – задумчиво проговорил женский голос, – вы жертвуете, я жертвую...

– Не любите вы молодых людей, – заметил Водорезов. – А я вот дам не жалую. Как шутил один мой приятель: убил женщину – спас бобра, белку, норку, крокодила.

«О чем речь? – пытался сообразить Казаков. – Кажется, разговор идет об убийстве...»

– Садистский юмор у вашего приятеля, – проговорила Алла, – он вообще кто?

– Мясник.

– Тогда извините... Нет, эту женщину я вам не отдам.

– Из женской солидарности? Как хотите, рано или поздно я ее все равно... Сами понимаете.

«Мясники, садисты, женщины... Кого-то собираются ликвидировать?» – недоумевал Казаков.

– Все. С молодыми людьми все! А жаль, последний из них мне так нравился, – сокрушался тем временем Водорезов.

«Что значит ВСЕ? Макс Рыбаков уже убит?!»

– Перестаньте строить из себя шута, – Алла резко оборвала Николая. – У вас имеется туз.

«Туз? Но кто?! Хозяин „зондеркоманды“ или, наоборот, тот, кого команда собирается в ближайшее время ликвидировать?»

– Угадаешь, где туз, унесешь рублей картуз. Так в стародавние времена шутили, – голос Николая стал тише.

Женщина что-то ответила, но в этот момент по барабанным перепонкам Казакова ударили первые аккорды группы «Пикник», зазвучала песня из альбома «Говорит и показы-

вает». Видимо, кто-то включил DVD-проигрыватель. До Казакова теперь долетали лишь отдельные слова и фразы, понять из которых что-либо было нельзя. Но в одном можно было не сомневаться: разговор у Аллы и Водорезова был весьма серьезным, речь шла о чьей-то ликвидации. И, судя по всему, не единственной. «Все! Хватит загадки разгадывать, – поднимаясь со своего места, решил Казаков, – немедленно отправляемся в гости!»

– Группу захвата по адресу! – Казаков назвал в переговорное устройство адрес Аллы Григорьевны. – Возглавлю лично!

«Сперва уложим обоих мордами в пол. А потом побеседуем о молодых людях, дамах, тузах...» – проверяя оружие, мысленно подбадривал себя фээсбэшник.

– Звонить не будем! – кивнув на дверь квартиры, предупредил Казаков старшего группы захвата столичного управления ФСБ.

Тот молча подал знак двум своим подчиненным, которые тут же, в течение двух секунд, с помощью специального приспособления снесли дверь, как будто это был лист фанеры.

– Работает ФСБ! – рявкнул Казаков, вслед за бойцами группы захвата врываясь в квартиру.

Водорезов и Алла сидели в комнате за маленьким столиком, на котором стояли две чашки кофе, а также валялось несколько карт с изображением валета, семерки, дамы и туза. По-прежнему из динамика звучало пение Эдика Шклярского, солиста «Пикника». Увидев вооруженных бойцов и Казакова, женщина заметно вздрогнула и выронила карты, которые держала в руках. Водорезов же лишь повернул голову к вновь прибывшим и приглушил звук проигрывателя.

– В «дурака» с нами решили перекинуться, полковник? – спросил Николай, положив свои карты рядом с чашкой кофе.

Валет, дама, туз... Так вот какими «молодыми людьми» жертвовал подполковник Водорезов.

– Извините, – с трудом выдавил из себя Казаков, – мы, кажется, помешали вам. Но у нас была достоверная информация, что в вашей квартире готовится теракт.

Казаков нес откровенную чушь, но подбирать иное объяснение времени не было. Ни для Водорезова, ни для группы захвата, ни для Вани Ширмана, который спустя полчаса потребует подробный отчет.

– Интересно получается, полковник, – продолжил Водорезов, – вы уже второй день преследуете эту женщину.

Фраза повисла в воздухе. Продолжать далее Водорезов не пожелал, что-либо сказать ему в ответ Казакову было нечего, Алла Григорьевна лишь презрительно фыркнула и отпила глоток кофе, бойцы группы захвата встали по стойке «вольно». И тут к счастью для Казакова подал звуковой сигнал его мобильник.

– Игорь, ты далеко? – услышался в мобильнике голос Гриши Мартынова.

– Что у тебя? – не желая отчитываться перед ментом, да еще младшим по званию, вопросом на вопрос отозвался Казаков.

– Макс Рыбаков нашелся, – ответил Гриша.

– Живой?!

– И невредимый. Он у меня в кабинете на Петровке.

– Буду через двадцать минут.

Отключив связь, Казаков развернулся всем своим массивным корпусом к хозяйке квартиры.

– Приношу вам свои извинения, – проговорил он самым любезным, на какой был способен, тоном, – дверь вам поставят на место, – кивнул он группе захвата.

Бойцы лишь пожали широкими плечами и отправились чинить дверь. Хорошо еще, что взятое недавно на вооружение приспособление для взлома дверей позволяло потом довольно быстро поставить дверь на место. Но, конечно, не за полторы секунды, за которые она была взломана.

7

– Ну вот, теперь мы знаем его в лицо, – сказал Николай, как только бойцы группы захвата, вернувшие входную дверь на место, покинули площадку.

– Вы, похоже, в этом и не сомневались, – произнесла в ответ женщина, перетасовывая злополучную колоду карт.

– Давайте перейдем на «ты», – неожиданно предложил Водорезов.

– Давайте, – откликнулась Алла, – и что же мне теперь делать?

– Сейчас соображу, – обхватив ладонью подбородок, проговорил Николай.

Некоторое время оба сидели молча. В голову явно ничего не приходило. Ни Водорезову, ни Алле. Пауза затягивалась, Алла даже начала раскладывать пасьянс.

– Вызовем милицию и... – прервал наконец затянувшееся молчание Николай, но не договорил.

И что? Пожаловаться милиционерам, что Аллу Григорьевну преследует полковник ФСБ?

– Хотите некоторое время пожить на природе? – неожиданно снова перейдя на «вы», предложил Водорезов. – Пока здесь все не уляжется?

– У тебя есть загородный дом? – задала встречный вопрос Алла, подчеркнув при этом «тебя».

Водорезов лишь усмехнулся. Ну действительно, сам же предложил перейти на «ты».

– Ты не согласна? – снова спросил Водорезов.

– Пожалуй, согласна! Если это, конечно, не очень далеко от Москвы.

– Можешь ни о чем не беспокоиться. Ночевать я буду в соседней постройке, в доме же ты будешь одна.

«Не беспокоюсь я, пенек казарменный», – подумала Алла. Поняла уже, кто рядом... А вот что значит «пока все здесь не уляжется», понять было трудно.

Казаков, нервно щелкнув зажигалкой, прикурил. Врач из ведомственной поликлиники ФСБ настоятельно рекомендовал ему завязывать с курением, но иного способа укротить нервы Казаков не придумал. А сейчас нервничал особенно. Его худшие опасения, похоже, сбылись.

– На посту ГИБДД, за городом, тормознули «Лендкрузер», – рассказывал между тем Гриша Мартынов, – разумеется, не с рыбаковскими номерами, но во всем остальном очень похожий на джип Макса. За рулем некто бородатый, в черных очках. Дескать, командир, очень спешу, запиши мой номер, через полчаса буду возвращаться, поговорим. И, само собой, сует сто долларов. Хорошо еще, что лейтенант попался принципиальный, а сержант-напарник его подстраховал. Достали оружие, потребовали, чтобы бородатый вышел из машины. Тот сначала пытался было отшутиться, потом вылез. Обыскали – ни документов, ничего. Лейтенант стал по рации вызывать подкрепление, мало ли чего, и в этот момент бородатый бросился на сержанта, выбил автомат и дал деру в ближний лес. Только его и видели. Ну а когда обыскали джип, то в багажнике обнаружили связанного по рукам и ногам Макса Рыбакова, с мешком на голове.

– И где он сейчас? – спросил Казаков.

– Десять минут назад папаша его забрал. С концами. Уж извини, Игорь, вы с ним одна контора, сами и договаривайтесь.

– А ты что же?

– «А я иду по деревянным городам, и мостовые скрипят, как половицы», – пропел в ответ Гриша популярную песенку шестидесятых годов. – Макс клянется, что ничего не знает, ничего не помнит и ничего не видел.

«Если бы оно так и было», – подумал Казаков.

– А с папашей, повторяю, тебе, Игорь, общий язык найти будет легче, – подвел итог майор Мартынов.

– А ты, разумеется, в наши дела не суешься, – подытожил в свою очередь Казаков.

Гриша хотел было что-то ответить, но в этот момент у него зазвонил мобильник.

– Да! – отозвался он. – Отлично! – произнес Мартынов, уже надевая куртку, под которой скрылась наплечная кобура. – Вот так, Игорь, – отключив телефон, повернулся он к Казакову. – Поеду брать банду. Уголовнички – мои клиенты, все остальное – твое.

«Самая большая опасность в том, что Макс мог разболтать то, что знал об операции „Амнистия“, – размышлял Казаков. – Правда, в этом случае его бы скорее всего убили. Тут же... Может, и в самом деле все было, как говорит Макс? Верить или не верить? Ведь командир этой „зондеркоманды“ человек очень неглупый, способный все просчитывать заранее. Он намерен максимально запутать следствие, направить на ложный след. Или рыбаковский отпрыск говорит правду? Тогда мы имеем дело с какими-то залетными беспредельщиками... Нет, вот в это не поверю! Точно не поверю!» – размышлял полковник Казаков.

– Юрий Генрихович, – произнес Игорь, соединившись с генералом Рыбаковым, – что с Максимом?

– Максима, Игорь, трогать не надо, – приглушенным голосом ответил генерал. – Ему здоровье поправить нужно, перенервничал парень.

«Все! И эту нить отсекают! Что же я скажу Ширману? – не без досады соображал Казаков. – Генерал Рыбаков своего пацана нам не отдаст!»

– Это хорошо, что мальчик нашелся, – кивнул Иван Эмильевич, выслушав доклад Казакова. – И даже то, что он кое-что там выболтал... Тоже хорошо! Ведь это означает, что «каратели» совсем рядом и скоро мы их увидим.

«Как бы тебя в белых тапочках не увидели!» – мысленно съязвил полковник.

– Ведь, дорогой Игоречек, они, «каратели», уже работают на нас! – произнес Ширман.

– В каком смысле?

– В том самом, Игорек. Они устраняют наших конкурентов. Хозяина например. Следующим будет господин Рыбаков, проявляющий излишнее чадолюбие. Я уже занял место Хозяина, ты займешь место Рыбакова. У нас есть еще некоторые лишние персонажи, в устранении которых мы нуждаемся.

– Лихо у тебя все, Иван. Не боишься, что «каратели» доберутся до тебя?

– Нет. И тебе, полковничек ты наш, не советую кого-либо или чего-либо бояться.

«Тебя бы в твоём костюмчике, с гладкой рожей в Чечню, на боевую операцию... Узнал бы тогда, кого и чего бояться!» – Казаков уже откровенно злился.

– Покойный Хозяин и Юрий Генрихович развели в нашей фирме демократию пополам с анархией, – продолжал Ширман. – В итоге в фирме имеются агенты противника, и, боюсь, не в единственном числе. С ними никто не боролся, в результате «каратели» скорее всего знают об операции «Амнистия»... Ну ничего, как говорится, кто нам мешает, тот нам и поможет!

– Об агентах ты не для красного словца?

– Ни в коем случае.

– Подозреваешь кого?

– Подозревать – твоя профессия, Игорек. А я... Уверен на все сто! Сейчас ты одного из агентов увидишь! Ирочка! – произнес Ширман по внутренней связи. – Кофе мне, пожалуйста. Без пирожка... И без Шпазмы!

Не прошло и трех минут, как в кабинет вошла длинноногая Ирочка с подносом. Казаков переглянулся с Ширманом, но ничем другим не выдал своего удивления.

– Дело непростое, Игорь, но вполне поправимое, – проговорил Иван Эмильевич, беря чашку кофе, – заменим Максима Рыбакова на госпожу Семенцову. Да, да, на Татьяну Борисовну. Надо заказать ей железнодорожные билеты.

Ирочка забрала пустой поднос и удалилась из кабинета.

– Сугубо интуитивно, Игорек. Сугубо интуитивно! – произнес Ширман, предвосхищая вопросы Казакова. – Только интуиция меня еще ни разу не подводила.

Полковник в ответ лишь пожал плечами. Дескать, хорошо кабы так.

– Семенцова Татьяна Борисовна, стало быть, – произнес Шварц-младший, рассматривая фотографию, только что скачанную из Интернета. – Вот кем решили заменить Макса. Ну что ж, вполне достойный полномочный представитель фирмы Ивана Эмильевича.

На фотографии была изображена худая женщина неопределенного возраста с распущенными волосами. Черты лица ничем не примечательные – обычный нос, обычные глаза, губы. Ничего выдающегося и ничего уродливого. Отталкивающими были лишь ранние морщины, избороздившие все лицо Семенцовой, хотя, по данным командира, ей было всего тридцать шесть лет.

– Миллионерша, а одета, как бомжиха, – обратил внимание Петр на более чем скромное одеяние Татьяны Борисовны. – И волосы слипшиеся, явно не мытые, – отметил он, щелкнув ногтем указательного пальца по фотоизображению.

– У каждого свой вкус и свой стиль, – резюмировал Шварц-младший.

– А чем занимается ее фирма в качестве прикрытия? – спросил Петр.

– Так называемое дочернее предприятие, точнее, филиал антинаркотического молодежного союза, который ныне возглавил господин Ширман. Занимаясь реабилитацией все тех же юных наркоманов, – развел руками командир, – Татьяна Борисовна извлекает двойную выгоду. А еще у нее в офисе сидят четыре инвалида, которые играют в компьютерные игры, чтобы убить время. В связи с тем, что Семенцова предоставляет им работу, ее фирма имеет немалые налоговые льготы. Ко всему прочему, Семенцова – известная меценатка, само милосердие, правда, с немытыми волосами.

– Служба безопасности? Личная охрана? – перешел к делу Петр.

– Бывшие офицеры, – чуть поморщившись, сообщил Шварц-младший, – из разных ведомств, но все профи. Этих «власовцев» валим нещадно. Ну а с самой госпожой Семенцовой для начала побеседуем.

– Само собой, – кивнул Петр, но тут же уточнил: – И многих придется?

– В «личке» – всего двое, включая шофера.

– Крафта и Вагина отозвать?

– Нет, пусть ждут в Солнцедарске и готовятся к активным действиям. А мадам Семенцову удобнее перехватить в дороге. Она ведь отправится поездом.

Шварц-младший и Петр уже в который раз традиционно ударили по рукам. Командир и подчиненный понимали друг друга с полуслова и пока еще ни разу не подводили друг друга.

– А как же концерт? – вдруг спросил Петр.

– А что концерт? Концерт завтра, а мадам Семенцова отбывает в Солнцедарск послезавтра. Так что концерт состоится при любой погоде!

Спустя полчаса Шварц-младший окончил доклад человеку, которого в лицо знал только он как командир группы. Человек этот, уже немолодой, седоголовый с вдумчивым,

всегда гладко выбритым лицом, назывался Куратором. Он осуществлял общее руководство отрядом Шварца-младшего, определял главные направления, обеспечивал прикрытие и решал финансовые и организационные вопросы.

– «Амнистию» надо предотвратить любой ценой, – выслушав Шварца-младшего, произнес Куратор, – это не просто очередная сделка наркомафии. Это... ни много ни мало – захват наркомафией власти в РФ. Да, да – «Амнистия» даст им возможность легализоваться и вершить свое черное дело в открытую! Затем грядут выборы, на которых они неминуемо победят. И на парламентских, и на президентских... Не веришь?

– У вас есть информация по другим каналам? – вопросом на вопрос ответил Шварц-младший.

– Есть, но очень скупая, – кивнул Куратор, – предотвратить же «Амнистию» сможет только твоя боевая команда. Действуй, командир!

8

Водорезовская «Нива» притормозила около дорожного кафе.

– Минут через пять вон с той стороны сюда подъедет некий молодой человек, – пояснил Водорезов Алле, – скорее всего на мощном мотоцикле, который шутя дает все двести кэмэ.

– С какой стати ему подъезжать? – спросила Алла, стараясь оставаться невозмутимой.

– С такой, – ответил Николай, – нас пасут, Алла. И если фээсбэшники или менты, то это полбеда. Почти всю дорогу за нами сперва шел подержанный «Форд», затем «Опель Кадет». Чтобы не засветиться, передают друг другу. «Кадет» сменила «Газель», которая, как только я затормозил, промчалась мимо. В «Газели» наверняка находится мотоцикл, на котором сейчас сюда подъедет наблюдатель. Ведь это очень интересно, что мы с тобой будем делать в дорожном кафе. Вот и он!

В самом деле, к кафе, снижая скорость, двигался мотоциклист. Как раз с той стороны, куда скрылась «Газель».

– Пошли! – произнес Николай, покидая салон.

Как только они оказались в кафе, Николай усадил Аллу за столик, а сам просто-таки растворился в воздухе.

– Ничему не удивляйся, сделай заказ и пей минеральную воду. Через пять-шесть минут я вернусь! – сказал он на прощание.

Вошедший почти следом за ними мотоциклист тут же заметил внезапное исчезновение Николая. Засуетился, что-то спросил у официантки, затем бросился в сторону туалетных комнат. Быстро проверил их, выскочил обратно в зал. Вновь о чем-то спросил официантку, побежал в подсобное кухонное помещение. Через некоторое время весьма встревоженный вновь оказался в зале. Направился к столику, за которым скучала Алла. Он уже почти приблизился, когда за его спиной невесть откуда возник Николай Водорезов. Он вновь сделал какие-то резкие, неуловимые движения, и мотоциклист чуть не рухнул на стол, не удержавшись на ногах. Николай успел подхватить его, в одну секунду вытащил из-под его куртки пистолет и аккуратно усадил за их с Аллой столик, а сам сел напротив. Все это он проделал столь стремительно, что Алла снова не могла не поразиться быстроте и ловкости невысокого десантника.

– Пистолет «иж», – определил Водорезов, быстро пряча трофейное оружие, – стало быть, ты не фээсбэшник, а из частной конторы. И что же тебя, парень, одного за смертью пустили, никем не подстраховали?

– Почему это за смертью? – держась за ребра и при этом с трудом удерживаясь на стуле, прохрипел мотоциклист.

– Глянь под стол!

Морщась от боли, мотоциклист глянул. И увидел нацеленное на него черное дуло пистолета. Того самого, которым не слишком удачно воспользовалась накануне Алла. Однако выяснять калибр и систему оружия у парня не было возможности.

– Ответишь на вопросы, будешь жить! – предупредил Водорезов и тут же перешел к делу: – Что от нас нужно твоим хозяевам?

Парень оглянулся вокруг. Никакой помощи ни с какой стороны не наблюдалось. Как и свидетелей их «теплой дружественной беседы». Мотоциклист попытался было вскочить, но Николай, не вставая с места, ударил его под коленный сустав так, что парень слегка взвыл.

– Останешься без ног, – уверенным тоном пояснил Николай, – потом без рук, потом без прочих... важных частей организма.

– Вы это... круто влипли оба, – произнес мотоциклист, корчась от боли, – но от вас хозяевам нашим не так много нужно. Через вас выйти на кое-кого хотят.

– На кого же? – уточнил Николай.

– Какой-то отряд карателей, что ли... Про него когда-то в газетах писали.

– Понятно! Вот деньги, расплатишься с официанткой, а мы пошли! – кивнул Водорезов Алла.

Быстренько сев в «Ниву», Николай бросил прощальный взгляд на окно кафе. Парень-мотоциклист сидел спиной к ним, нервно теребя салфетки. Водорезов вырулил на параллельную проселочную дорогу, перешел на максимальную скорость.

– И куда мы теперь? – поинтересовалась Алла.

– В обратную сторону. Чтобы сбить с толку наших преследователей, я поехал в направлении дачного участка моей любимой тети. Но теперь мы едем не к тете, а в лесничество. К моему давнему приятелю.

«Отряд карателей... – мысленно анализировал Водорезов сказанное мотоциклистом, – его еще называют „зондеркомандой“. Да, несколько лет назад в прессе были публикации о некоей тайной организации киллеров, уничтожающей криминальных боссов и наркоторговцев. Передача еще была, аж по первому каналу, более смахивающая на штатовский боевик... Но это было довольно-таки давно. И каким образом хозяева мотоциклиста (а в их числе явно полковник Казаков) хотят выйти на этих „карателей“, используя массажистку Аллу и его, отгуливающего свой законный отпуск гвардии подполковника?»

Николай взглянул на молчавшую, точно обидевшуюся на что-то Аллу, подмигнул и улыбнулся ей. Наверное, это вышло довольно по-дурацки. Алла в ответ лишь фыркнула, достала зеркальце и, несколько не смущаясь, стала прихорашиваться.

9

Спустя час с небольшим «Нива» выехала на лесную, проложенную редкими машинами колею. Пожалуй, если бы не повышенная проходимость «Нивы», проехать столь быстро и с ветерком не удалось бы. Не прошло и пятнадцати минут, как машина затормозила у выложенной тесом избы. Водорезов дал три гудка, и из дома показался высокий худой человек в камуфляжной куртке и в фуражке с зеленым, как у пограничников, верхом и двумя дубовыми листьями на кокарде. Николай вышел из машины, и мужчины сдержанно, без лишних эмоций пожали друг другу руки.

– Как говорится, если хороший человек, то хоть всю жизнь живи! – произнес лесник Юра, после того как они сели за стол и Водорезов изложил свою просьбу.

– Наверное, я не очень хороший человек, поэтому постараюсь побыть у вас как можно меньше времени, – в ответ сказала Алла.

– Дело хозяйское, – отозвался Юра, переглянувшись с Николаем.

Дескать, дамочка за словом в карман не полезет, в обиду себя не даст. Лишних вопросов Юра не задавал, показал Алле ее комнату, к удивлению на редкость уютную. Здесь Алла на некоторое время уединилась, чтобы переодеться и немного отдохнуть.

– С кем-нибудь из наших виделся за последнее время? – спросил Николай.

– Не поверишь, с кем, – интригуяюще произнес в ответ Юра.

– Поверю, говори, не томи.

– С Черным Салихом.

Николай аж присвистнул. Такими вещами не шутят. Даже у остряка Юры такие хохмы не в ходу. Черный Салих – он же Черный Полковник, он же Гинеколог, он же Акушер. Международный террорист, а для Российской Федерации и вовсе террорист номер один. Хотя по внешности и не скажешь. Роста средненького, образования еще более средненького, с рыжеватой бородой, ранней лысиной и редкими прокуренными зубами. Ничего особенного, среднестатистический житель Северного Кавказа. Когда-то учился в сельскохозяйственной академии, но окончил лишь первый курс. Ничем не выделялся, разве что очень любил смотреть по телевизору футбол и хоккей. Причем болел за ЦСКА, ведомственный спортивный клуб Водорезова. Вот и все. Никаких достижений в области боевых единоборств, успехов в армейской службе. Ни судимостей, ни даже приводов в милицию. Опять же – обычный среднестатистический гражданин бывшего СССР. А между тем вся Россия, да и весь просвещенный мир до сих пор помнят его громкую террористическую акцию в одном из российских городов на границе с Чечней. Черный Салих захватил тогда в заложницы рожениц местного родильного дома. Многие врачи, медсестры, да и сами роженицы были во время захвата убиты. Отдать приказ о штурме российские власти не решились, пошли на уступки террористу. Главарь со своей бандой благополучно отбыл в Чечню, а после этого начались нелепые, какие-то заискивающие переговоры с лидерами боевиков. С тех пор Черный Салих резко пошел в гору. Из обычных повстанческих комбатов сразу стал комбригом. И бригада та была специального, диверсионного назначения. Для особых, так сказать, поручений. Хотя Водорезов, как и другие офицеры спецназа, никогда не считал Черного Салиха настоящим диверсантом. Диверсант-разведчик – профессия сугубо армейская. Они не роженицами прикрываются и не детские сады захватывают. Они уничтожают ракетные базы, аэродромы противника, способны захватить штаб или хотя бы его начальника с последующей доставкой в штаб собственный. Ничем подобным Черный Салих и его бригада похвалиться не могли. Они взрывали вокзалы, рынки в приграничных с Чечней районах. Бывали случаи, из тех же краев угоняли к себе в рабство молодых парней и девушек. Нет, не диверсант Черный Салих и даже не террорист. Террористы, как правило, убивают крупных политических деятелей.

лей, заложников захватывают, выдвигая опять же сугубо политические требования. Черный Салих же (никакой не полковник, ефрейтор запаса) – обычный убийца, бандит. А такие слова ни в одном языке с больших букв не пишутся. Был момент, когда Черный Салих находился всего в паре метров от подполковника Водорезова. Тогда Николаю достаточно было дать автоматную очередь. Возможно, Водорезов даже стал бы потом Героем России. Посмертно.

Дело было так. Начало второй чеченской. Штурм окраины Грозного. Легендарная пятиэтажка, прозванная впоследствии чеченским «домом Павлова». Впрочем, таких «домов» и во вторую, и в первую чеченскую было немало. Так вот, пятиэтажка та была раздолбана вдрызг, как еще на земле стояла, одному богу известно. Тем не менее в ее окнах чеченские снайперы сумели оборудовать огневые точки. Причем не просто боевики с «драгунками» или биатлонными винтовками, а снайперы высочайшего класса. Перед батальоном ВДВ стояла задача: занять дом и оборудовать в нем свои огневые, в основном пулеметные, точки. Однако не тут-то было. Только десантники выдвинулись к зданию (которое к тому же стояло на пустыре, где не было никакого укрытия), как тут же стали терять людей в геометрической прогрессии. Тяжелое ранение получил комбат, а также несколько офицеров. Вытащить их с линии огня никакой возможности. Ползет боец, чтобы раненого забрать, вот он уже почти у цели, и тут невидимый снайпер бьет его точно под каску или под бронежилет. Бьет с приличного расстояния и не промахивается. А кругом дымка, туман утренний. Вычислить снайперов при такой видимости невозможно. К тому же у батальона, как на грех, ни БМД, ни какой другой «брони». Исхитрились «духи» в прошлых боях поджечь, а новых не прислали.

На усиление к десантникам прибыли пятеро бойцов спецразведки ВДВ под командованием тогда еще майора Водорезова. Он тогда лично взялся за снайперскую винтовку. Его напарником был снайпер-контрактник Витя Озеров. Остальные разведчики отыскиали где-то простреленные, но еще на ходу «Жигули» с выбитыми стеклами. На этих-то «Жигулях» бойцы ВДВ совершили отвлекающий маневр, а Водорезов с Озеровым взяли под контроль выщербленные окна. Как только «Жигули» подъехали к одному из подъездов здания, Водорезов и Озеров почти одновременно выстрелили. Двух вражеских снайперов как не бывало. Несмотря на туман и дымку, сумели-таки их засечь. Правда, потеряли одного из бойцов, что были в «Жигулях», достал снайпер со второго этажа. Другой боец, сержант-контрактник Юра, заметив едва уловимые блики оптики, швырнул в окно сразу три гранаты. Четвертого снайпера, который «раскрылся», чтобы застрелить гранатометчика, вовремя снял контрактник Озеров. Два уцелевших десантника-разведчика все на тех же «Жигулях» въехали прямо в подъезд и сумели-таки занять здание.

– Выдвигаемся! – отдал команду Водорезов, сам же быстро, перекатами-петлями, рванул к зданию.

И в этот самый момент Витя Озеров снял пятого снайпера. Не суждено было подстрелить Николая. На все про все ушло чуть более двух минут. Сержант Юра (впоследствии ставший лесником) уже «хозяйничал» на первом этаже. Бойцы батальона, воодушевленные столь скорой расправой над снайперами, пошли на штурм. Не прошло и пятнадцати минут, как группа заняла дом. Уцелевшие «духи» покинули его почти без всякого сопротивления. Однако и десантники понесли потери: среди бойцов были раненые и убитые. Зачищая этажи, Водорезов обнаружил все шесть снайперских боевых позиций. Шестой стрелок предпочел отступить и покинул здание, не испытывая более судьбу. Среди убитых снайперов была молодая женщина со светло-рыжими длинными волосами, стянутыми резинкой на затылке.

- С Прибалтики сучка? – задал довольно-таки риторический вопрос Озеров.
- А может, наша землячка, – только и ответил Водорезов.
- Не землячка, – покачал головой сержант Юра.

Возражать ему Николай не стал.

Блондинисто-рыжая снайперша была третьей женщиной, погибшей в бою с разведчиками Водорезова. Возможно, это одна из тех прибалтийских снайперш, которых прозвали «белые колготки». Водорезов много слышал о них, но ни разу не видел ни в первую, ни во вторую чеченскую. Зато довелось повстречаться с землячками из Челябинской и Саратовской областей. Мастера спорта, меткие девчата. Немало постреляли наших ребят, пока пули десантников не остановили навеки их прыть.

– Подмога прет! – подал голос солдат-автоматчик, стоявший у противоположного окна. – Вэвэшники, мать их, как всегда вовремя!

В самом деле, подойдя к окну, Водорезов увидел подъезжающий к зданию бронетранспортер, на башне которого красовались яркие буквы ВВ, что означало принадлежность «броника» к войскам МВД.

– Наконец-то, – произнес Озеров.

И в ту же минуту свалился прямо на Николая. Солдат, первым заметивший «броник», вскрикнул и с простреленной головой вывалился из окна. Самого же Водорезова спас его небольшой рост. Остановившийся метрах в пятнадцати от здания вэвэшный броник дал пулеметную очередь по верхним этажам. Неужели коллеги из МВД приняли десантников за боевиков?!

– Мать твою! Всем лечь! – только и смог прокричать, упав на выщербленный пулями пол, Водорезов.

Ощупав неподвижно лежавшего Виктора, Водорезов уловил бьющийся пульс. С трудом дотащил Озерова до лестницы, передал двум солдатам.

– Охренели, что ли, «вовчики»⁶? – спросил один из рядовых.

– Какие «вовчики»?! – отозвался с нижнего этажа старшина-контрактник. – Это «духи», «чечи»! У «вовчиков» этих долбанных «броню» отняли и херачат...

Договорить старшина не успел – шквальный огонь достал и его. За окнами помимо непрекращавшейся стрельбы слышались гортанные вопли: «Аллах акбар!» Теперь уже вне всяких сомнений: боевики шли отбивать здание обратно. Дело в том, что пятиэтажка занимала весьма важную стратегическую позицию. Контролировать подступы к Грозному (или, как называли его боевики, «Джохар гала») было с этой точки весьма удобно. Следовательно, сдавать противнику дом никак нельзя.

– Раненых в подвал! Всем остальным туда же! – скомандовал Водорезов, когда чеченская речь раздалась совсем близко.

На первом этаже Водорезов встретил «духов», наступающих через окна, двумя гранатами и автоматной очередью. Сам же рванул к подвалу вслед за подчиненными, которые должны были укрыть там многочисленных раненых. Николай бежал по коридору, спотыкаясь о солдатские тела. Крики на чеченском слышались рядом, со всех сторон. Чеченцы сумели-таки собрать силы и прийти отбивать «стратегическую высоту» обратно. Добежать до подвала Водорезов не успел. Впереди него, буквально в нескольких метрах, взорвалась стена, и Николаю ничего другого не оставалось, как рвануть обратно. Пули чиркали по стенам в нескольких сантиметрах от него. В узком коридорчике Николай налетел на невесту откуда выскочившего «духа», вооруженного точно таким же, как и он, укороченным десантным «калашниковым» «АКС-74У». Оба не удержались на ногах, рухнули на пол. «Дух» оказался моложе, выше и, возможно, был не менее тренированный, чем Николай. Чеченец исхитрился не поднимаясь с пола, отбросить Водорезова хлестким, хорошо поставленным ударом ноги. Николай отлетел, точно сбитая кегля, но автомата при этом (в отличие от молодого чеченца) из рук не выпустил и успел дать очередь по врагу. Вскочив на ноги, Николай

⁶ «Вовчики» – сленговое армейское название бойцов внутренних войск МВД.

бросился дальше, уже не слишком разбирая дорогу. Оказавшись у проема двери, ведущей на улицу, Водорезов вжался в стену, чуть перевел дух. Ну и ситуация! Почему так плохо сработала разведка, в том числе авиационная и радиоперехват?! «Духов» оказалось куда больше, чем предполагалось изначально. Вон как лезут из всех щелей, будто тараканы, занимая здание. Да еще «бронеи» сумели у «вэвэшников» разжиться... Сразу несколько боевиков пробежали в паре метров от Николая. Довольно грамотно рассредоточивались они по зданию, до двери в подвал теперь уже никак не добраться. Перекрестившись, Николай выскочил из здания и тут же нырнул в точно специально для него вырытую траншею. Здесь уже покоились два убитых боевика, как успел заметить Водорезов, а в глубине траншеи был навален спасительный хлам – фанерные и картонные ящики, диван и пара мягких (!) кресел, высокий коричневый шкаф из некогда дефицитного чешского гарнитура. Николай тут же закопался в мебель, успев перед этим прихватить пару автоматных рожков у убитых чеченцев. Но что делать дальше? Сверху, со стороны здания, выстрелов и криков раздавалось все меньше. Где остальные бойцы? Сумели укрыться в подвале?! В любом случае Водорезову необходимо было передохнуть хотя бы минут пять. Между тем не прошло и трех минут, как сверху в траншею прыгнули три рослые, одетые в камуфляж фигуры. Все они были вооружены автоматами и разговаривали по-русски.

– Смотри, еще двоих наших завалили! – произнес один из них с заметным украинским акцентом.

«Бандеровец недобитый, – мысленно выругался Николай, – чего дома, на „ридной Краине“, не сидится?!»

Между тем в траншею с другого края прыгнул еще один камуфлированный силуэт.

– Полковник! Здание нами взято! – по-русски доложил он.

– Сколько пленных? – спросил тот, кого именовали полковником.

– Ни одного, – чуть поколебавшись, ответил вновь прибывший.

– Что, все русские убиты? – с недоверием уточнил полковник.

– Закрылись в подвале. Дверь железная. Гранат мало, – отрапортовал подчиненный.

– Иных выходов из подвала нет? Окон? Лазов?

– Нет. Абсолютно точно – нет.

– Пулемет у входа в подвал поставили?

– Обижают, полковник!

– Здание зачищено полностью?

– Да. Вот только...

– Что только?

– Да вроде бегал тут один по этажам. Маленький такой, быстрый, отстреливался. Вроде офицер. Уже после того, как русских в подвал загнали. Среди трупов пока не обнаружен.

Водорезов, сидевший в своем укрытии, напрягся, затаил дыхание. Если не обнаружат тело «маленького и быстрого» в здании, будут искать в его окрестностях. «Чехи» в этом плане народ упертый. И воевать эти «повстанцы» неплохо обучены. В той же Советской армии, несокрушимой и легендарной.

– Маленький?! Отстреливался?! – повысил голос чеченский полковник. – Искать немедленно! Это Водорезов! Есть у русских «лосей»⁷ такой. Хороший вояка и мужик, говорят, неплохой, – почти с приятельской интонацией пояснил чеченский полковник. – Его убить надо! Во что бы то ни стало! Выполнять! – теперь уже почти зарычал он.

«Неплохо у „чехов“ разведка поставлена, – только и отметил про себя Николай. – А этот, полковник, вроде не из армейских... Хоть и рычит, но интонация не командирская!»

– Вторая «броня» подошла! – кивнув наверх, сообщил «бандеровец».

⁷ «Лоси» — жаргонное армейское обозначение бойцов ВДВ.

В самом деле, наверху послышался шум двигателя бронетранспортера.

– Ты же говорил – второй пожгли? – с недоверием спросил полковник, затянувшийся сигаретой «Кемел».

– Я так предполагал, – пожал мощными плечищами «бандеровец», – потому как по пути сюда вторая «броня» где-то затерялась. Ну да простим их, полковник. Мои хлопцы здешние места еще плохо изучили.

– Простим, – кивнул полковник, отбрасывая в сторону недокуренную сигарету.

Бандеровец выбрался из траншеи, что-то крикнул на украинском. И тут же рухнул назад, сраженный пулеметной очередью. «Стало быть, пожгли-таки вторую „броню“! – возликовал Водорезов. – Неужели наши?!» Чеченский полковник и второй боевик даже не взглянули на тело «бандеровца», вскинули автоматы и исчезли-испарились из траншеи так быстро, точно в их экипировке имелось по шапке-невидимке.

Из своего укрытия Водорезов выбрался лишь тогда, когда услышал знакомую русскую речь. «Вовчики» сумели все-таки частично смыть позор – уничтожили второй, отбитый у них «духами» бронетранспортер и, объединившись с мотострелками и СОБРом, выдвинулись к «дому Павлова». Из подвала выбрались уцелевшие бойцы Водорезова. Витю Озерова тут же прибывшим вертолетом отправили в госпиталь.

– Знаешь, кто был этот полковник? – спросил у Водорезова фээсбэшник из военной контрразведки, после того как Николай в подробностях изложил все подробности боя.

– Узнать трудно, – покачал головой Водорезов.

– Это сам Черный Салих!

– Гинеколог?

– Акушер, – добавив матерную фразу, кивнул особист, – и мы его в очередной раз упустили. Хотя к тебе, Водорезов, у меня претензий нет.

Однако у Николая претензии к контрразведке были. Относительно все тех же данных о количестве боевиков, их командирах, дислокации и перемещении. А также слабо организованной авиационной разведке и радиоперехвате. Но махать кулаками после драки Водорезов не привык.

А вот Витя Озеров отлежался в госпитале и уволился из войск по ранению. Позже он связался с какой-то криминальной группировкой и погиб в непонятной разборке. Дурь какая-то, нелепость, но тем не менее факт. А ведь на боевых всегда вместе – где Водорезов, там и Озеров. Как кровные братья, даже фамилии сходные. Хотя один майор, а другой ефрейтор.

С Черным Салихом же в конце концов российские спецы разобрались. Окончательно и бесповоротно. Правда, не десантники, а спецназ ФСБ. Выследили «черного полковника» и взорвали вместе с бронированным джипом, на котором он передвигался по территории республики, сопредельной с Чечней. Осталась от Черного Салиха лишь улетевшая после взрыва в кусты плешивая бородатая башка.

– И где ты его встретил? – уточнил Водорезов, понимая, что такими вещами Юра не шутит.

– Опять же – не поверишь, – неожиданно заметно погрузнев, ответил Юра, – рядом с Красной площадью. Там какой-то клоун бороду отрастил, камуфляж и берцы нацепил и пожалуйста – сфотографируйся с душегубом номер один. А рядышком два Ильича прогуливаются, Карл Маркс, Элвис, Витя Цой. Как говорится, на любой вкус. Самое поганое – фотографируются. Причем с этим «Салихом» больше, чем с другими, я у фотографа спрашивал.

– И что же, этот двойник сильно похож?

– Да просто одно лицо! Я глазам своим не поверил поначалу. Потом пригляделся – не он, конечно же. Так, придурок какой-то на сходстве дурацком заработать решил. Ты знаешь,

недавно, дня три назад, Петр Ручьев заезжал, – сменил тему Юра, – приглашал на концерт, три билета оставил. Я концерты не люблю, народу полно, сцена маленькая, певцов не видно. Лучше по телеку посмотрю. Прямая трансляция будет.

– Что за концерт? – спросил Николай.

– Забыл, что ли? Заккрытие конференции воинов-интернационалистов и ветеранов локальных войн. Концерт и прямая трансляция из центрального концертного зала.

– Ну-ка, дай-ка мне один билет! – неожиданно попросил Водорезов.

– Бери, командир, – откликнулся Юра, достав из ящика комода сразу все три билета. – А почему один? Даму с собой взять не хочешь?

– Она с тобой останется. И ты... Ну, если дом окружат, отбиться сможешь?

– По соседству с лесничеством база местного спецназа местного УИН⁸. У меня там родной брат командир штурмовой группы и еще два двоюродных служат. В случае чего на броне примчатся.

– Это хорошо, Юра. Очень даже хорошо.

Рассчитывать теперь приходилось только на своих. Когда тебя преследует высокопоставленный чин ФСБ, есть основания не доверять «конторе». Были, конечно, и есть в «конторе» стоящие мужики, но... Николай хорошо запомнил одну историю. Копали днем его бойцы окопы, укрепрайон на занятой сопке сооружали. Невесть откуда прискакал лихой всадник на вороном коне – и пальнул по ним из гранатомета. Причем лошадь выстрела не испугалась, лишь вбок дернулась от отдачи, видно, привычная к таким делам. А бойцам и укрыться негде было – сопка-то голая, окопы только рыть начали. Они на склоне – как на ладони. Лишь далеко внизу зеленел лесок, так оттуда «огневая поддержка» тому коннику пришла. Четырнадцать человек тогда погибло, включая взводного. Самого Водорезова в то время не было, когда вернулся – отругал уцелевших, да что толку?! Вместе с разведкой отправился в тот злополучный лес. Прочесал лично вместе с бойцами, но нашли только стреляные гильзы. По номерам сверили – «наши», «родные» оказались! У всех до единой – номера складские! Кто-то, получается, патроны «духам» со склада продавал. Сдал Николай гильзы в контрразведку, а там их, что называется, под сукно и положили. Так и не узнал Водорезов, из-за какой сволочи четырнадцать гвардейцев пали...

⁸ УИН – управление исполнения наказаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.